

Роллан СЕЙСЕНБАЕВ

ТРОН САТАНЫ

Роман

Продолжение. Начало в № 8, 2026.

8

– А теперь слово комиссару, – громко сказал Жаппас, перекрывая общий шум, ибо бойцы стройотряда, разгоряченные танцами, не так-то легко поддавались его руководству. Все посмотрели на Абылая.

– Нам не в чем упрекнуть себя, – сказал Абылай. – Мы хорошо потрудились. Мы завоевали знамя районного стройотряда. Так что за вас, мои друзья! За орлов «Жас-улана».

Студенты захлопали в ладоши, и Зейнолла наклонился к Сауле:

– Наш комиссар, как всегда, краток и точен.

Снова заиграла музыка.

– Потанцуем? – предложил Абылай. Сауле протянула ему руку.

– Тебе правда хорошо здесь? – спросил Абылай, когда они вошли в круг танцующих.

– Конечно, милый. – Она с любовью посмотрела на Абылая. – Я же сказала, что у тебя хорошие друзья. Вот Зейнолла – он такой смешной.

– Ну, сегодня он не в форме.

– Мне кажется, он равнодушен к Дамеш.

– Равнодушен? Он в нее с первого курса влюблен. Только у него духу не хватает признаться, вот и отделяется шуточками.

– Чудак! – удивилась Сауле. – Ведь Дамеш всё понимает.

– Конечно. Но не будет же она первой объясняться...

Краем глаза Абылай заметил, что к белобородому старику и девушке, сидевшим у окна, подошел тот самый грузный мужчина со шрамом, Алескеров, дантист, как называл его Жаппас. Он наклонился сначала к девушке, потом к старику, что-то настойчиво им внушая. Девушка отрицательно покачала головой. «Дантист» повернулся и пошел к своему столику, гордо выпятив объемистый живот.

– Хочешь, я поговорю с Зейноллой? Может, он меня послушает, – предложила Сауле.

– Не надо, – сказал Абылай Сауле.

– Пусть он Дамеш хотя бы потанцевать пригласит.

– Нужно будет – пригласит. Думаю, они без нас разберутся, – улыбнулся Абылай и спросил: – Скажи, ты видишь вон того старика у окошка?

Сауле повернула голову.

– Вижу.

– Ты понимаешь, я где-то встречал его, а где – не помню.

– Мало ли кого и где ты встречал. Разве это так важно?

– Нет, конечно. Но я не успокоюсь, пока не вспомню.

Музыка умолкла, танцоры разошлись по местам. Парень в джинсах, ведя под руку свою девушку, снова подмигнул Сауле. Сауле с ненавистью глянула на него и уткнулась в плечо Абылая. Она почувствовала слабость и испугалась, что может упасть в обморок.

«Как сказать Абылаю?.. Как сказать?..» – Сауле метнула взгляд туда, где сидел парень в джинсах. Наклонившись к своей спутнице, он ухмылялся, кривя тонкие губы. О, эти тонкие губы, извивающиеся, как черви. Впились. До боли, до темноты в глазах. Небритая щека... Колет, жжет... И обессиленная Сауле, не умея защититься, вжалась в песок, задыхаясь от тяжести навалившегося тела, слёзы текли из ее глаз... Цепкими, сильными руками он разжал ей ноги, она вскрикнула, но некому было прийти ей на помощь... Черная яма неба... Вокруг никого... Черви... Червяк...

«Как сказать Абылаю? Как сказать?»

Абылай заметил, что человек со шрамом вновь направился к старику и девушке. Девушка опять покачала головой, но мужчина не спешил уходить. Абылай уже готов был вмешаться, но старик, сдвинув на затылок тюбетейку, вдруг схватил трость, висевшую на спинке стула, потряс ею и что-то сердито сказал «дантисту». Тот помрачнел, но тут как раз смолкла музыка, и человек со шрамом возвратился за свой столик, потеряв на этот раз изрядную долю спеси и самоуверенности.

И тут Абылай вспомнил. Ну да, конечно же, это он, жырау-певец, хранитель старинных сказок и легенд. Этот его жест, которым он сдвинул тюбетейку, его трость с узорчатой ручкой, – это он, тот самый старик из целиноградского совхоза, где в то лето работал Омар. Но как он оказался в Семипалатинске? Может, к дочери приехал погостить?.. Да, это он... Но как же его зовут? Ведь они три дня прожили у этого старика – Абылай, Омар и его штурман, русский парень Володя... Омар и Володя опыляли с самолета совхозные поля. Абылай подружился с внуком старика. Еще там озеро было, большое синее озеро с зелеными берегами...

...Вечер. Володя и Омар задраили кабину, укрепили колеса самолета, и все мы уже собирались идти в аул, когда вдруг затарахтел мотоцикл с коляской, и в клубах пыли на дороге появился подросток лет четырнадцати-пятнадцати. Он с завистью посмотрел на меня, на мою летчицкую фуражку (ее подарил мне Володя), а потом повернулся к Омару и сказал по-казахски:

– Омар-ага, дедушка приглашает всех вас к нам на ужин.

Омар перевел слова мальчика Володе и добавил от себя:

– Идем к уважаемому человеку, а запылились как черти. Хорошо бы где-нибудь умыться.

– Я свезу вас к озеру, вы все поместитесь, – сказал мальчик, услышав его слова.

– А ты здорово вырос, уже мотоцикл водишь? Молодец! – Омар погладил мальчика по голове и подтолкнул меня к нему: – Знакомьтесь. Это – Абылай, а это...

– Мерген, – закончил мальчик, протягивая мне руку.

Потом мы даже переписывались с ним. Да, точно. А я перестал писать ему, когда узнал, что Омар погиб. Кажется, тогда. Да, тогда... Так... «Так-то оно так», – это была любимая присказка Мергена...

...Летчики всё еще плескались и фыркали в озере, а мы с Мергеном уже сидели на берегу.

– А что, твой дедушка и взаправду сказочник? – спросил я его.

– Да. Он столько знает песен и легенд, что со счету собьешься, – сказал Мерген. – Он сейчас уже, наверное, домбру настраивает и с нетерпением дожидается Омара-ага. Он его очень любит...

– Мы все его очень любим... – сухо ответил я, вдруг приревновав Омара к этим чужим, незнакомым людям.

– Так-то оно так, – согласился Мерген, – но дедушка, как бы это тебе объяснить, не только любит его, но как-то по-особенному почитает. Он говорит, что

таких слушателей, как Омар-ага, которые всё чувствуют и всё понимают, теперь уже больше не осталось. А ты в Целинограде живешь? – круто сменил он тему разговора.

– Нет, в Семипалатинске. Я к сестре в гости приехал.

– Омар твой зять?

– Нет, брат.

– Постой, ведь он муж твоей сестры, я правильно понял?

– Правильно.

– Значит зять. А ты ему – шурин, – важно объяснил Мерген.

– Нет, – не сдавался я. – Омар мне старший брат, и я ему брат.

– Ладно, пусть будет по-твоему, – согласился Мерген, искоса глядя на меня. – А ты в самом городе живешь?

– В самом.

– Я так думал, – сказал Мерген.

– А что, по-твоему, плохо в городе жить? – Я сердито посмотрел на него.

– Кому что нравится, – неопределенно сказал Мерген. – Мне, например, здесь хорошо. Не променял бы наш аул ни на какой город, да я там и не был ни разу. А вот дедушка был. Он так иногда скучает по Омару-ага, что даже ездил в прошлом году к нему в Целиноград на два дня..

Заметив мое удивление, Мерген засмеялся:

– Я же говорю, что он почитает твоего... брата, как никого другого, а ты мне не веришь.

– Почему не верю? Верю, – оправдывался я.

Старый Сабыр встретил нас у ворот. Он с учтивостью поздоровался с Омаром, сначала прикоснувшись грудью к его груди, а потом поцеловав его в лоб. Обнял Володую, похлопал его по спине и коротко сказал по-русски: «Корошо...» – а на меня посмотрел вопросительно: мол, что это еще за птица?

– Это мой брат Абылай, – сказал Омар.

– А, брат келин, чего в сторонке жмешься, ну давай сюда свой лоб, давай... – Он коснулся моего лба сухими губами и первым прошел в дом.

Поев мяса, мы вышли во двор и расположились под высоким старым деревом. Крупные звезды так низко висели над головой, что казалось, поднявшись во весь рост и дойдя до горизонта, я смогу потрогать их руками. Таких звезд я еще никогда не видел.

И небо было такое широкое! Под этим необъятным родным небом, усевшись возле старого дерева, жырау-певец долго настраивал свою домбру, а потом вдруг запел старинную легенду «Честь» о батыре Кушикбае, запел неожиданно сильным, резким голосом, без всяких вступлений и объяснений. Но мы были готовы к этому. Ведь он еще во время ужина предупредил Омара: «Не знаю, сынок, но если Аллах даст, может, и спою вам сегодня...»

Зажмурившись, он мерно раскачивался из стороны в сторону. И я всегда буду помнить эту мужественную и простую легенду об отважном джигите, который отдал жизнь за честь и свободу своего народа, о его гордой матери, о певце Арыстане...

Примостившись рядом со сказителем, мы с Мергеном глядели в звездное небо и мечтали быть такими же сильными и храбрыми, как Кушикбай-батыр...

...Народ оплакивал Кушикбая. В эту темную ночь во всей необъятной степи Аркалыка лишь один осиротевший аул Уак не зажег костров, не жил, а плакал, готовясь в дальнюю дорогу, навьючив тюки со скорбью на черных ездовых верблюдов. И плач одинокого аула наполнил степь горечью и безысходностью, и не было конца этой невыносимой печали.

И казалось в ту темную ночь, плач аула был понят даже хищными обитателями долины Камышового озера. Серые волки, водившиеся там, по-видимому,

скрылись в самый глухой уголок долины, пораженные неслышанным плачем, плачем народа, ибо не было слышно их обычного ночного заунывного воя, от которого мороз по коже проходил у всадников и тревожно ржали кони. О время, беспокойное кровавое время, когда людской плач звучит громче, чем вой степного зверья, и нет ни надежды, ни веры, ни сил, чтобы жить дальше! В ту ночь рухнуло всё – надежды, вера, силы. Гибнущий от раздоров, неся на себе дьявольскую печать поруганной чести, озлобленный и усталый, аул, казалось, твердо решил изменить свою жизнь – уйти, исчезнуть, забыться, забыть... И если в глазах молодежи вместе с печалью еще теплились искры мести, кровавой мести, заставляющей коней, храпя, сталкиваться друг с другом, и клинки звенеть, и кровь литься широкой струей, то глаза стариков выражали лишь одно – обиду, обиду на тех лучших из Уака, от кого не было близким ни добра, ни мира, ни благополучия. Но как распрощаться с местом, где жили твои предки, где был твой очаг, где еще не обсохла земля на свежей могиле твоего батыра?

К толпе шла Айганым, мать Кушикбая. Старееющее лицо ее глубоко изрезали скорбные морщины, но голову она держала высоко, и воспаленные от слёз глаза ее были печальны и строги. А весенний воздух был по-прежнему опьяняюще чист, и в редкие минуты затишья по-прежнему слышался вековой шелест камыша у озера, и гуси испуганно хлопали крыльями, вырываясь из сладкого сна, чтобы тревожно покружить над озером и затем спрятаться на другом его берегу, и луна наконец-то встала в черном небе, прячась за кучевыми облаками, как будто бы и ей невыносимо было видеть кровавые слезы аула Уак.

Мать шла, сминая едва пробудившуюся полынь. Темный материнский платок развевался на ветру, выбивались пряди седых волос, губы ее, обветренные, сухие, непрестанно шептали жалкие и отчаянные слова, слагающиеся в неведомую молитву...

«Уай, желтая степь, сколько ты забрала себе батыров, потерявших голову вместе со шлемом. И мой муж остался, на радость шакалам и воронам, где-то среди степного ковыля. Но муж мой пал гордой смертью, он погиб в бою, он умер, защищая свой народ. А сын мой Кушикбай? Разве рука врага сразила его? Нет, он пал по милости сыновей одного с ним рода, он не мог терпеть унижений, выпавших на его долю... Не мог, не мог, не мог!.. И вот он лежит теперь на самой вершине этой сопки, сопки Аркалыка... Уай, желтая степь, но разве мой сын – это то, что нужно тебе и Смерти? Почему ты не взяла меня, старую, выжившую из ума? Ведь мои дряхлые кости давно ждут покойного места у тебя. Разве хорошо поступила ты, забрав моего единственного, мою кровиночку, моего мальчика, которого так и не дождался его двадцать лет? Какое твоё желание исполнилось, когда ты сделала это?..

Молчишь? Может быть, хочешь, чтобы я спросила ответа за то, что случилось, у моего народа? О доблести рода уаков спросила у лучших из его сыновей? Но что можно услышать от народа, который не верит в себя, что могут сказать мужчины, которые потеряли мужское достоинство? Ведь даже волк не идет против своей стаи, и ворон ворону глаз не выклюет. И как можно верить в народ, который режет, грызет и рвет сам себя? Как можно надеяться на него, какого добра от него ждать? Мудреца, который дает верные советы, они считают ослом, выжившим из ума, на бесстрашного воина, спасающего их, своими же руками набрасывают аркан, певцу, который поет о них, затыкают глотку... Какими словами, чем можно прогнать их зачерствевшие души и каким кнутом можно привести в чувство их погасший разум? Уай, желтая степь, неужели твой народ, род уаков, самый несчастный в Сарыарке? Неужели он познает мудрость своих мудрецов, доблесть своих батыров, мелодию своих музыкантов лишь тогда, когда разбредется по белу свету либо вовсе исчезнет с лица земли? Неужели поздно? Неужели так нам суждено? Неужели память нашего народа короче овечьего хвоста?..»

Блестит под луной Камышовое озеро, пенистые брызги лениво бьют о берег, и светлеет лицо матери под вялыми, бледными лунными лучами. Бурлящий, раздирающий ее душу гнев не дает угаснуть надежде, ибо как жить без надежды? Жить без надежды – это значит умереть. Умереть...

И люди, согнув свои измученные спины, сидят, не разгибаясь в темноте под луной, ожидая слова матери, последнего решающего слова матери погибшего батыра...

«Прости, прости, сынок, свою старую мать. Я не могу больше оставаться у твоей могилы, и ты будешь лежать один в степи, которую так любил. И да пусть хранит твой покой степь Аркалыка, пусть стерегут тебя воды Камышового озера, в котором ты так и не накупался вдосталь, синее небо, на которое ты не успел наглядеться. Я увожу за собой наш аул... Мы уходим...

Жеребенок мой, я не знаю, смогу ли я когда-нибудь снова увидеть твою могилу, я не знаю, вернутся ли мои старые кости в эту долину, пристанище наших предков. Прощай, родной, прощай, прощай, прощай!..»

Мать заплакала в голос и, став коленями на сырую землю, подняла руку для молитвы.

«Всемогущий Аллах, сжался над нашими бедами и сохрани от невзгод наш разоренный аул в сто пик. Будь милосерднее к нам – дай нам удачи в пути и помоги добраться до нового места, сохрани наш дух в бою с врагами и сохрани жизнь мужчинам, которые защищают нас. Да, я оставила в степи могилу сына, но сжался надо мной и пойми меня – я плачу и рыдаю, как верблюдица, потерявшая верблюжонка, и не одна я плачу, вместе со мной плачет весь аул. О Аллах, не отворачивайся от нас, помоги нам, сохрани аул уаков!.. Сохрани. Сохрани. Сохрани!..» Она подняла измученное лицо к небу, и глаза ее засветились решимостью.

«Аминь!.. Аминь!.. Аминь!..» – зашептали люди, преклонившие колени вслед за матерью.

Она провела ладонями по лицу и поднялась.

«Эй, мужчины, – сказала она окрепшим голосом. – И обида, и поруганная честь, и неотмщенная кровь у меня к властителям рода Уак, да будут прокляты эти шакалы! Лучше умереть в нищете и безвестности на чужбине, чем ждать милостей от злых наших сородичей. Найдется на земле уголок и для нашего аула в сто пик. Я решилась, и для меня нет пути назад. Мы все сломлены горем, но так, знать, судил нам Аллах. Я никого не упрашиваю и не зову вслед за собой. Воля тому, кто пожелает остаться, сможет и дальше жить в бесчестии и позоре. Но я ухожу, вот мое слово!..»

Так сказала она, и лишь самое внимательное ухо смогло бы уловить в ее реках отголоски недавнего скорбного плача. Она замолчала, и никто не проронил в ответ ни звука. Народ давно был готов к этому пути. Аул, потерявший своего сына, покидал в эту ночь родной простор Сарыарки, где родились и жили его предки, и впереди его ждала трудная и долгая дорога по бесплодной, покинутой всеми земле, впереди его ждала неведомая новая жизнь.

О жизнь, жизнь, беспощадная жизнь, твоя радость коротка, как брачная ночь!..

О жизнь, жизнь, безжалостная жизнь, твоя печаль длинна, как поминальная ночь!..

Кочевье шло на запад. Кочевье уходило, вдыхая запах полынной степи и Камышового озера. Развевался на ветру темный платок Айганым. Время от времени она останавливала коня и глядела назад, в темноту, на восток. И глухие стоны вырывались из ее груди, когда она думала о покинутой родине, об одинокой могиле сына, и женщины, едущие с ней бок о бок, поддерживали ее, качающуюся от горя. А мужчины лишь стискивали зубы и отворачивались, то-

мясь от невозможности хоть чем-нибудь помочь ей. Заморосил дождь, ласковый первый дождь новой весны, люди вздохнули. Распрямились согнутые плечи, тверже стала поступь. Дождевые капли, смешанные со слезами, скатывались на влажные конские гривы, заблестевшие под луной, равнодушной ко всему творящемуся на земле.

Под благословенным дождем колышется Камышовое озеро. Беспечен плеск волн его. О чем он плещет, что ведаёт?

Под благословенным дождем дремлет степь, истоптанная миллионами копыт, уставшая от воинственных криков и горьких людских слёз. О чем думает она, что ведаёт?

Под благословенным дождем уходит из родных мест кочевье, гонимое великим горем. О чем говорят, о чем думают, что знают люди этого кочевья? О чем кручинятся воины, женщины, дети, о чем будет петь потом знаменитый певец и күйши Арыстан?

Нет ответа.

Нет ответа. Да и какая польза от него? Тяжела судьба народа, бредущего из родных мест в поисках пристанища и крова. Да, тяжела!.. Ойхой, тяжела, тяжела, тяжела!.. Вот уже и Аркалык остался позади, вот уже и Камышового озера не видно, и впереди лишь темная степь, немая вечная степь, исходящая ароматом полыни.

Мать прощается с сыном. Люди прощаются с родиной. Рыдающее, стонущее кочевье... Ойхой, тяжела, тяжела судьба...

Кочевье удалилось, и в долину подул холодный северный ветер, тревожно зашумел камыш, загготали, захлопали крыльями гуси. Луна затерялась в тучах, и лишь тоскливый волчий вой да хлопотливый гусиный гогот сопровождали рассвет, пришедший на обезлюдевшую землю.

Говорят, что с тех пор дует, не переставая, холодный ветер в долине, и путники, изнуренные летней жарой, попадая летом на перевал Аркалыка, подставляют разгоряченную грудь его свежему дуновению...

Говорят, что после того, как люди ушли, северный ветер изгнал гусей с их насиженных мест, и они, в поисках удобного пристанища, улетели на озеро Сарыколь, что в Чингисских горах. Говорят, что прохладное и чистое Камышовое озеро постепенно заросло, высохло и исчезло, а на холме, где был похоронен Кушикбай, вдруг забил родник, и его хрустальная прозрачная струя не оскудевает и до нынешних дней. О многом говорят...

Шилде... Время, когда из пустыни веет сухим и жарким ветром, способным загубить всё живое вокруг, и когда призрачное марево стирает границу между желтой степью и голубым небосводом, отчего загадочно и странно мерцает под палящим солнцем измученная, изнуренная дневным зноем степь.

Вооруженные всадники, выехавшие утром из Джунгарских ворот, только к вечеру добрались до зеленого оазиса, расположенного на берегу небольшого степного озера. Легкое, чистое дыхание озера показалось высшим благом для джигитов, не слезавших с седла много дней. Каждый из них вдыхал свежий воздух полной грудью и от души наслаждался внезапно наступившей блаженной вечерней прохладой. Поники были пики, грозное оружие джигитов, вновь засверкали в лучах заходящего солнца.

Впереди отряда ехал он, Кушикбай, девятнадцатилетний красавец, молодой батыр уаков. Широкий лоб его был крепко повязан белым платком, над большими карими глазами нависли густые черные брови. Лицо его посерело от дорожной пыли, и губы потрескались от жары и долгой скачки, но он крепко держался в седле. Несмотря на свою молодость, этот широкоплечий бесстрашный воин не раз участвовал в кровопролитных схватках и всегда выказывал чудеса ловкости и храбрости. Вот и сейчас, когда они наконец-то отбили у джун-

гаров захваченные в прошлом году табуны казахских лошадей, он с тридцатью верными джигитами взялся прикрывать отступление основного войска, руководимого главным батыром уаков Тобетом. С тем чтобы, если понадобится, задержать погоню и завязать с джунгарами бой, который позволит Тобету и его людям перегнать добычу в родные места, куда джунгары в этом году вряд ли посмеют сунуться.

Это была давняя вражда. Казахи, живущие по ту и по эту сторону Чингистау, всю зиму вели переговоры и поклялись, что в этом году соберут всех своих батыров и наконец-то отомстят обидчикам. «Проклятый джунгар сидит за нашей спиной, как коршун. Среди бела дня он крадет наших коней и грабит наши аулы. Сколько наших мужчин poleglo от руки врага, сколько женщин опозорено, сколько аулов разорено. Эй, казах, эй, азамат, разве ты забыл обычай предков, обычай мести: голову за голову, кровь за кровь? И если ты мужчина, если ты еще дышишь, бери в руки свое заржавленное копьё, и с наступлением лета мы тронемся в путь!» – так говорили на всех долгих сходках.

Усталые всадники остановили коней у самой кромки озера и, спешившись, тут же бросились в прохладную воду. «Уа, алла! Благодать!» – кричали крепкие, мускулистые батыры, фыркая и радуясь, как дети.

И казалось, что они напрочь забыли тяжелые дни далекого похода. Смертельные взмахи копья под луной, хрип и стоны раненых, клятвы именем предков в разгар кровавого боя – всё это осталось в их памяти как мимолетное мгновение минувшего дня. Им верилось, что еще наступит пора, когда они будут вспоминать: «А, это было в тот год, когда мы поколотили джунгаров... Давно это было. Ой, давно! Да и было ли вообще! Ойбай-ау, как бежит время!..»

Они пробыли на озере до самой темноты. Мыли и поили коней, резвились, плавали наперегонки – казалось, что они и вправду вновь стали детьми.

Но вот потускнела вода, обаятая красным заревом заката, и ночной мрак сгустился над озером. Джигиты вновь отправились в путь, и отдохнувшие кони, звеня удилами, шли вольно и ходко. Стало ясно, что джунгары остались далеко позади и теперь вряд ли решатся на погоню. Теперь казахские аулы могут ждать нападения врагов лишь на следующий год, весной, ибо долго еще джунгарам не оправиться от унижения и горечи поражения...

Теперь можно было догнать основное войско, возглавляемое Тобетом. Табуны лошадей, отбитые у неприятеля, вновь возвратятся к казахам...

Достигнув берега Иртыша, воины, руководимые батыром Тобетом, спешили близ редкого лесочка, разожгли костры и принялись варить в котлах мясо. Обросшие, с покрасневшими от бессонных ночей глазами, они лежали у костров и жадно вдыхали ароматные запахи варящейся конины. «Ничего, батыры, можно сказать, что отсюда уже видны крыши наших юрт», – пошутил кто-то из них, но усталые воины не поддерживали шутника.

Высокий, плотный, суровый, смуглолицый, с глубоким сабельным шрамом через всю правую щеку – таким был Тобет-батыр, главный батыр уаков. Прямо держась в седле, он долго оглядывал окружающую местность своими маленькими зоркими серыми глазами и наконец обратился к сопровождающему его молодому джигиту, сидящему на своем жеребце:

«Естай, вели Каракулу усилить охрану табуна, и чтоб никто у него не смел спать. А когда хорошо будет виден Млечный Путь, пусть гонит табун к Чингистау. Домой вернется кружным путем».

«Слушаюсь, батыр!...»

Посыльный ускакал, а Тобет всё еще не слезал с коня.

У самого крайнего костра вповалку лежали связанные по рукам и ногам джунгарские табунщики, плененные казахами, и Тобет подъехал к ним.

Ноги у табунщиков были исполосованы, и на лодыжках запеклась кровь. Некоторые из них уткнулись лицом в песок, другие, не имея сил даже глаза раскрыть, лежали распластавшись на спине, вытянув над головой связанные, затекшие руки. Один из пленников, слабо пошевелившись, попросил воды. Но никто и не подумал напоить его.

«Мочи тебе верблюжьей, а не воды! – выругался Тобет. – Погоди, дай время, устроим тебе такое, что чертям тошно станет и весь мир тебе с овчинку покажется! Воды он захотел!..»

Ярко светила луна, и на небе высыпали крупные звезды. Неподалеку от пленных табунщиков сидела, прислонившись к березе и ежась от ночного холода, увезенная воинами Тобета девушка-джунгарка. Черные, как смородина, глаза ее были устремлены к звездному небу, а крепко сжатые губы что-то тихо шептали. И капали, капали слезы на шелк ее тонкого платья, и вздрагивали ее плечи. Рук ей не связали. «Уж лучше лежать без сознания, как эти несчастные джигиты, или быть закованной в кандалы, чем пережить свое бесчестье, – думала она. – Уж лучше бы отрубили мне голову эти проклятые казахи еще там, на родной земле, когда выволокли они меня из родного дома и бросили плашмя поперек седла... Ах, зачем я не вырвала кинжал, что торчал в ножнах у джигита, который бессовестно обнимал меня всю дорогу? Не вырвала и не всадила его по самую рукоять в то поганое сердце? А потом бы и сама закололась... Испугалась? Или понадеялась на что-то? Но разве я забыла, что человека всегда обманывает надежда, да, надежда! И поддерживает тоже надежда. Она-то и затуманила мое сознание, иначе не тосковала бы я сейчас среди этих чужих злых людей. Что хотят они сделать со мной, эти горланящие казахи? Убьют или надругаются надо мной? – Лицо ее вспыхнуло, она снова задрожала, и у нее закружилась голова. – Если бы я знала, что достанусь казахам, я бы лучше подарила свою невинность какому-нибудь простому пастуху-джунгару. С тех пор как родила меня мать, моей шеи касались только ветер и солнце, и я до сих пор еще не видела своего нареченного. Старшая сноха говорила, что он красивый джигит. Батыр. Имя его – Джангар. Ах, прискакал бы сейчас Джангар и порубил в клочки всех этих казахов. Ах, Джангар, Джангар!.. О небо! Неужели никто не поможет мне!..»

...Тобет, продолжая ругаться, поднял камчу, чтобы хлестнуть табунщика, просившего воды, но заметил девушку и невольно опустил руку. Он жадно глядел на нее, по-прежнему отрешенно смотревшую на звездное небо. «Этой ночью ты станешь моей, красавица!» – захохотал он и повернул коня.

Он поднялся на взгорок, спешился, привязал своего черно-бурого к дереву и направился к воинам, сидевшим у костра. Люди, потеснившись, освободили место для главного батыра. Тобет протянул руку к деревянному блюду, на которое было вывалено сварившееся мясо, но есть ему расхотелось, и он лишь чуть-чуть пригубил пиалу с сорпой.

Луна стояла прямо над головой. Потухший было костер вновь вспыхнул – кто-то подбросил туда сухих веток. Естай, молодой джигит, которого Тобет посылал с поручением, отдуваясь от сытости, собрал остатки мяса и костей и отнес их пленникам. Табунщики зашевелились, но девушка даже не повернула головы.

Красные сполохи огня гуляли по лицу прищурившегося в задумчивости Тобета. И без того маленькие глаза его совсем спрятались, когда он прищурился, и вид у него сделался как у дремлющего волка. Он вновь вспомнил прошлое лето, когда джунгары убили в поединке его единственного брата, Естыбека.

Не просто убили, а убили с позором, еще и надругались над телом, мерзавцы! Но что могли сделать восемь табунщиков с джунгарами, нападшими на них врасплох? Восемь лошадей мгновенно оказались без всадников, а восемь всадников – без голов. Руководил тогда налетом и обезглавил казахов-табунщиков

батыр джунгаров Анархой. Этого черноголового толстяка мог выдержать только его любимый арабский скакун. Был Анархой крепок, силен, ловко орудовал и пикой, и булавой, не боялся самых отчаянных противников. В погоню за этим батыром, горя жаждой отомстить за убитых табунщиков, и пустился брат Тобета, Естыбек. Юноша догнал Анархоя как раз вот на этом берегу Иртыша. Казахи с ходу ввязались в бой, и Естыбек, скакавший впереди всех, с криком: «Уа, духи предков!» – бросился на громадного Анархоя.

От скрежета сабель возбужденные кони становились на дыбы и рвали удила. На счастье и на горе батыров, был завещан им страшный обычай кровавого поединка. Всё произошло в мгновение ока: Анархой одним махом отсек голову горячему, еще не изведавшему сражений юному казаху, а остальные джунгары быстро перебили всё его малочисленное войско. О, это был звездный час для джунгаров! Молодежь, которая по первому зову вестника ринулась в погоню, не слушая советов старших, вся полегла от вражеской руки, и ни один из них не вернулся к родному очагу, если не считать паренька, которого джунгары привязали к коню, и конь, зная дорогу, сам привез его в аул.

Тобет развязал ему руки, снял еле живого с коня и положил на траву. Юноша был без сознания. На него вылили торсык холодной воды, и когда он с трудом поднял веки, увидел устремленные на него сотни глаз, то подумал, что по-прежнему находится в плену у джунгаров, и снова потерял сознание.

Когда он очнулся, то вскочил, что-то бессвязно мыча и размахивая руками.

«Где Естыбек?» – в бешенстве спросил Тобет и, схватив за плечи, стал трясти его так, что у бедного юноши глаза полезли на лоб. Он бессвязно замычал и с трудом открыл рот. Тобет перестал трясти его и отступил, побледнев от ужаса: во рту парня дергался обрубок отрезанного языка, и зрачки его расширились от боли и невозможности что-либо сказать. Тобет закрыл лицо руками. «Брат мой – и-и-и! – надрывно закричал он. – Оу, брат мой – и-и-й...»

Потом он съездил в сторону джунгаров и увидел издали древний могильник с высоким куполом. Со стороны Чингистау, так, чтобы видно было казахам, в самый верх купола была воткнута сабля с наколотой на ней головой Естыбека. Воронье, кружившее над могильником, уже успело выклевать ему глаза.

И Тобет поклялся тогда: «Если буду жив, отомщу за брата! В тысячу раз сильнее отомщу! И запомни, Анархой, пусть будет проклято имя мое, если я не уничтожу тебя в поединке и твоя голова не будет торчать на сабле у того же могильника!..»

Но, как назло, во время этого набега Тобет никак не мог повстречать Анархоя. А эти табуны арабских коней, уведенные у джунгаров, пленные смерды-табунщики, девчонка, которую нынешней ночью он бросит под себя, – ничто это не окупит смерти Естыбека. Тобету нужно одно, ему нужна черная, как сажа котла, голова Анархоя. «Он. Он. Он. Он мне нужен!» Тобет колотил огромными кулачищами по коленям.

Успокоившись, он поднял голову и снова посмотрел на пленников, которые принялись обглаживать брошенные им кости. Глаза Тобета налились кровью, и в горле что-то пискнуло. «А может, мне всё же снять ваши круглые головы и наколоть их на пики у того же могильника? Пускай ваши сородичи полюбуются на вас, – прошептал он. – А насладившись девчонкой, я задеру ей платье на голову, посажу на самого тощего коня, со спиной, острой, как меч, и отправлю без седла в аул к джунгарам...»

Он застонал. Перед глазами его вновь встала страшная картина. Могильник... Кружащееся воронье... Голова Естыбека... Пустые глазницы...

Тогда он еще не знал, что джунгары уже оплакивают своего батыра Анархоя, что на его похороны зарезаны сто аргамаков и что старейшины джунгаров уже держат совет, как изгнать следующим летом казахов с их земли, как сров-

нять с землей их аулы... Тогда он еще не знал, что Анархой уже пал от руки Кушикбая...

Войско Тобета находилось у того самого озера, где день спустя так весело плескались воины Кушикбая. А сам Кушикбай со своими джигитами в это время был у перевала Джунгарских ворот, когда за ними пустилась погоня.

«Джигиты, нам нужно успеть пройти перевал!» – повелительно крикнул Кушикбай.

Его аргамак, рыжий породистый пятилеток, без плетки понимающий намерения хозяина, вынес Кушикбая вперед.

Молодой батыр думал биться с джунгарами на ходу, постепенно отходя вдоль перевала и заманивая врагов. Он заметил, что погоня не такая уж большая – всего около полусотни всадников различил он среди клубящейся пыли. Казахов было почти на два десятка меньше, но Кушикбай был уверен в своих джигитах – всё это были батыры, хорошо известные в народе, с детства закаленные в боях, смелые и выносливые.

Но отряд не успел перейти перевал – джунгары неумолимо нагоняли их.

«Что ж, коли так суждено, будем биться здесь», – сказал Кушикбай, придерживая коня.

И незамедлительно послышался громкий, рыкающий голос:

«Стой, казахи, стой!..»

«Это Анархой», – сказал батыр Абзал, приближаясь к Кушикбаю.

Кушикбай еще ни разу в жизни не видел Анархоя, о котором в казахской степи говорили как о полубоге. Он осадил рыжего и похлопал коня по шее. Тридцать его парней развернулись и выстроились в два ряда, придерживая своих коней, рвущихся в небо. Встали и джунгары. Огромный черный аргамак вырвался из их рядов. На коне сидел черный и огромный, как горный валун, богатырь. Шлем его сверкал на солнце ослепительным блеском, и таким же блеском сверкало наточенное острие копыя.

«Я – Анархо-о-ой!.. Поединок!..»

«Я – Кушикба-а-ай!.. Поединок!..»

Эхом отозвался в степи мощный крик двух батыров. Казалось, даже горная речка, с шумом катящая свои воды, замолкла, и весь остальной мир, казалось, замер. Лишь беспечные птицы, заливаясь, щебетали в голубом небе.

Копыта аргамаков рыли каменистую землю. Кони взметнулись. С треском схлестнулись пики. На мгновение встретились два искрометных взгляда, и батыры отпрянули друг от друга.

Анархой был спокоен. «Несчастный казах. Безусый щенок. Я раздавлю тебя. Я сотру тебя. Твои казахи могут уже сейчас оплакивать тебя!» – брезгливо думал он.

«Если даже ты и есть тот самый Анархой, о котором толкует вся наша степь от Иртыша до Синьцзяна, я всё равно буду биться с тобой», – решил про себя Кушикбай.

Снова схлестнулись пики.

«Парень, шее нужна голова. Я прощаю тебя. Уйди с моего пути!» – прохрипел Анархой.

«На твоей короткой шее одна голова, и та – лишняя!» – дразнил его Кушикбай.

«А-а-а!..» – завопил Анархой и бросился вперед, надеясь этим звериным рыком напугать мальчишку-батыра и тем самым обратить его в бегство. Но тот рассмеялся ему прямо в лицо, и джунгар с коротким выдохом, без размаха, ударил его копыем. Этот слабый, но молниеносный удар мог заставить врага врасплах и при удаче хотя бы серьезно ранить его, на что и рассчитывал Анархой.

Щит Кушикбая задрожал от удара. Кушикбай не ожидал от Анархоя такой ловкости, но всё же успел отбить пику. «Уа, духи предков!» – ахнули каза-

хи. Аргамак Кушикбая метнулся в сторону, и новый удар джунгара пришелся по воздуху. Анархой не успел развернуться, и теперь уже рыжий пятилеток Кушикбая нагонял его черного аргамака. Анархой рванул удила, но было поздно – копые молодого батыра со скрежетом ударилось о его шлем. За этим оглушающим ударом тут же последовал второй, не менее мощный, и шлем Анархоя покатылся на землю, засверкал, зазвенел, ударяясь о горные камни. Казахи радостно загудели, а джунгары, подумав, что голова Анархоя катится по земле, всполошились, привстали в стременах. Но, увидев, что поединок продолжается, и те и другие быстро подавили и страх свой, и радость свою – снова замерли в ожидании исхода.

И тревожно забилося огрубевшее сердце Анархоя. Часто встречал он в поединках мощные удары противника, но чтобы два таких удара последовали один за другим – этого с ним еще не бывало, и он понял, что молодой батыр не такая уж легкая добыча для него, воина, всю жизнь проведенного в седле.

Аргамаки замерли грудь в грудь, потом разъехались, и бойцы, громогласно призывая предков, снова бросились навстречу друг другу. Кушикбай тяжело дышал, а спина Анархоя вся взмокла от пота. «Собачий сын, надо же какой жилистый! – подумал он. – И не подберешься к нему, не ударишь как следует».

Рыжий пятилеток Кушикбая остушился, и Кушикбай закачался в седле. Этого только и ждал джунгар. Он ударил снова, но Кушикбай резко уклонился, и копые лишь просвистело над аргамаком. И пока Анархой разворачивал своего скакуна, рыжий пятилеток Кушикбая успел уйти в сторону.

Теперь они бились на каменистом обрыве той шумной горной реки, чьи ледяные воды, пенясь и разбиваясь о громадные валуны, струились где-то далеко внизу. Кушикбай оттеснил Анархоя прямо на крутой берег, и джунгар впервые в жизни почувствовал тоскливый страх от безвыходности своего положения. Ведь стоит чуть-чуть оступить его черному аргамаку, и всё... конец. И конь, и всадник полетят в пропасть... И тогда Анархой осатанело рванул поводья, и аргамак, тоже чувствовавший опасность, двинулся прямо на противника.

Кушикбай, хладнокровно ожидавший этого, взмахнул копьем. Сначала копые скользнуло по шлему, который успел надеть Анархой, но Кушикбай ухитрился размахнуться снова и вонзил его в открытую грудь джунгара.

«А-а-а-а!» – раздался душераздирающий предсмертный вопль джигита, и задрожали спины аргамаков под всадниками, глядевшими на поединок.

Тяжелое тело Анархоя перевалилось через седло и, качнувшись, полетело в пропасть, колотясь о камни. Раздался всплеск воды, взметнулись брызги, и наступила тишина. Река приняла свою жертву.

«Горе! Горе нам!» – заплакали, зарыдали джунгары.

«Пай-пай, Кушикбай! Пай-пай, Кушикбай!» – ликовали казахи.

И горестный этот плач, и победные крики двух воюющих народов слышала лишь река, упокоившая тело батыра Анархоя. Да дикий берег, весь избитый, искромсанный копытами двух боевых аргамаков...

Старик прижал ладонью струны домбры, тяжело вздохнул и умолк.

Затем он вытер лицо платком и хриплым, усталым, срывающимся голосом крикнул жене:

«Байбише! Как там у тебя горячий чай? Готов?»

И обратился к Омару:

«Остальное, дорогой, я вам завтра допою...»

...Абылай соображал, стоит ли ему подойти к старику, чтобы поздороваться, но вновь заиграл оркестр, и толпа танцующих заполнила площадку ресторана. «Да он, наверное, и не помнит меня, – подумал Абылай. – Я ведь тогда был еще совсем мальчишкой. А его и годы не берут. Держится всё так же прямо, высоко подняв голову...»

Пока он размышлял, мужчина со шрамом вновь привязался к старику и девушке. Абылай неожиданно для себя вскочил и направился в их сторону. Это произошло так быстро, что даже Сауле, увлеченная беседой с Дамеш, не заметила, что Абылая уже нет рядом. Один лишь Зейнолла, увидев, как бледен Абылай, тут же последовал за ним.

– Человек вы или...? Что вам от меня нужно! – услышал Абылай реплику девушки, обращенную к навязчивому «дантисту», и, подойдя к мужчине со шрамом, положил руку ему на плечо.

– Уйдите, не приставайте к людям, – сказал он.

«Дантист» лениво посмотрел на Абылая через плечо – что это еще за указчик нашелся? – и, резко дернувшись, страхнул его руку.

Его приятели дружно поднялись из-за стола, но Зейнолла преградил им дорогу. И другие стройотрядовцы, оставив своих девушек на танцевальной площадке, бросились на помощь Абылаю и Зейнолле.

– Смотри, какой шустрый! – Парень в джинсах всё же приблизился к Абылаю, но мужчина со шрамом оттолкнул его.

– Спокойно! Без нервов! – сказал он грубым голосом и как ни в чем не бывало повернулся и пошел к своему столу.

– Инцидент исчерпан, – весело заявил Зейнолла, и студенты возвратились на танцплощадку.

– Хотите пересесть за наш столик? – предложил Абылай старику и девушке.

Девушка, по-видимому, сильно напуганная происшедшим, молчала, а старик неожиданно разворчался.

– Сабыр восемьдесят лет живет и ничего не боится, а этот пузатый решил мне угрожать. Танцевать ему, видите ли, приспичило, – бормотал он и тут же ласково обратился к Абылаю: – А тебе спасибо, сынок, что заступился. Ступай, не волнуйся за нас...

«Сабыр». Абылай внезапно вспомнил, что именно так и звали того старика-сказителя.

– Сабыр-ата, вы не узнаете меня? – спросил он. Старик, прищурившись, посмотрел на Абылая.

– Кажется, мне знакомо твое лицо... Да ты садись, – не отрывая взгляда от Абылая, он указал на свободный стул и неуверенно сказал: – Глядя на тебя, я почему-то вспоминаю нашего дорогого Омара...

– Я – его брат. Меня Абылаем зовут. Помните, мы гостили у вас?... – И Абылай, путаясь и сбиваясь, заговорил о том, что никогда не забывал старика, помнит его легенды, песни, что он переписывался с его внуком Мергеном, да вот, к несчастью, оборвалась переписка, и Мерген ничего не дает о себе знать...

Старик молча выслушал его, поправил тубетейку и сказал:

– Теперь я вспомнил тебя. Здравствуй, сынок, рад видеть брата Омара, пусть земля будет пухом этому хорошему человеку!.. Твой друг Мерген сейчас лежит в целиноградской больнице, трактором его зацепило, но я обязательно передам ему, что встретил тебя. Он будет очень рад. Да вот и невестка моя подтвердит, что он тебя часто вспоминает. Познакомься, это моя невестка, жена Мергена. У нее умерла мать, мы приезжали на похороны и теперь возвращаемся обратно. Вот такие у нас дела, милый...

Абылай все-таки уговорил их перейти за стол бойцов стройотряда, и, попав в компанию молодежи, старик Сабыр заметно повеселел. Несмотря на возражения невестки, взял в руки бокал с шампанским, протянутый ему командиром, осмотрелся, прокашлялся и заговорил:

– Уа, дети мои, у казахов есть добрые слова. Например, хороший не сторонится, простофиля не поймет, а глупый не послушается. И еще: солнце – для всех, луна – для всех, хороший человек – тоже для всех... Поэтому будьте хоро-

шими, не теряйте себя в этой жизни. Я не заставляю вас пить, но сам чуть-чуть отведаю...

С этими словами он пригубил шампанского и поставил бокал на стол.

– Аксакал, говорят: хороший человек – любому родня. Правильно? – вмешался в разговор Зейнолла.

– Верно, сынок. – Старик с любопытством посмотрел на него. – И еще говорят: не преклоняй колен перед человеком, а перед плохим и подавно.

Зейнолла не прочь был щегольнуть еще какой-нибудь поговоркой, но его остановила Дамеш, тихо промолвившая, что не следует ему, мальчишке, перебивать старика, и Зейнолла умолк.

Студенты вспоминали лето, обсуждали преподавателей, строили планы. Старик, с интересом глядя на молодежь, повернулся к Абылаю:

– Эх, каким парнем был Омар! – Он поцокал языком и покачал головой. – На его могиле мы поставили памятник из белого мрамора. Наш аул ничего для него не пожалел, на открытие обелиска из Целинограда летчики приезжали. А почему никого из ваших не было? – Старик с укором глядел на Абылая. – Баянжан почему мужа забыла?

– Она не забыла. Но у нас тогда бабушка умерла, и не было никакой возможности вырваться.

Старик в знак сочувствия провел ладонью по лицу:

– Приезжайте обязательно. Мы встретим вас как родных.

– Дедушка, расскажите, как всё это случилось.

– А ты разве не знаешь?

– Я знаю только, что самолет загорелся, а больше ничего не знаю.

Старик помолчал, прокашлялся.

– Знойное лето выдалось в тот год, – начал он. – Омар и Володя работали, а я как раз был дома, в гости их вечером ждал. С невесткой мы дома остались. Вдруг весь аул всполошился. Мы выбежали из дома и видим, что горящий самолет падает прямо на аул. «Бегите! Ложитесь! Прячьтесь!» – слышалось со всех сторон. И тут горящий самолет взмыл в небо. Видно, Омар собрал последние силы и сумел сделать всё, чтоб спасти и аул и хлебное поле. Помнишь то озеро, в котором вы купались тогда с Мергеном? Омар сумел дотянуть до этого озера, и лишь там самолет упал. В воду. Из воды в небо поднялся столб огня, взрыв раздался, и всё было кончено. Какой парень был! – На глазах старика вновь появились слёзы.

Студенты притихли.

– Не только поле, он весь аул спас от гибели, твой брат, – повторил старик.

– А что с Володей?

– Володя остался жив. Омар был один в самолете. Володя убивался по Омару, как по родному брату... «Как я буду теперь ходить по земле! – плача, говорил он. – Нет у меня больше друга. Нет и не будет...»

Старик замолчал и посмотрел на часы.

– Ну, нам пора, – сказал он. – Будет время, приезжай к нам. Я сам отведу тебя на могилу Омара...

– Нам тоже пора... – Студенты стали подниматься, собирать вещи.

Садясь в поезд, Сабыр-ата еще раз повторил свое приглашение, и Абылай почувствовал в этом, равно как и в его рассказе о смерти Омара, скрытый укор им, ближайшим родственникам погибшего.

– Передавайте привет Мергену, – сказал Абылай.

– Обязательно передам... – Старик поцеловал Абылая в лоб и, секунду помедлив, добавил: – А Баян скажи, что не годится забывать мужа, ведь такие люди, как он, нынче редкость, бесценные это люди. Пусть приедет, и пусть сде-

лает это, пока я жив, иначе я свою обиду унесу в могилу. Скажи, она должна меня понять... Она поймет...

Проводив поезд, стройотрядовцы вслед за своим командиром вышли на привокзальную площадь. Жаппас был невозмутим и, казалось, не придал никакого значения стычке Абылая с людьми, среди которых был и его знакомый.

– Дождемся автобуса? – предложил он.

– Нет, мы решили прогуляться пешком, – ответил Абылай.

– Тогда – пока. До встречи в институте... – Командир поднял руку.

– Тебе не холодно? – спросил Абылай, когда они с Сауле свернули на улицу, ведущую к центру.

– Нет, – ответила Сауле. – Только идем помедленнее...

– Ты устала? – Абылай, как бы извиняясь за свою невнимательность, обнял Сауле, и она, опустив голову на его плечо, закрыла глаза.

Опустевшие улицы... Редкие машины, проезжая мимо, фарами освещают темные дома. Небо усеяно звездами. Теплая городская ночь.

«Как сказать Абылаю?.. Как сказать?..»

– Омар очень любил мою сестру... – Голос Абылая зазвучал неожиданно гулко, громко, и Абылай загнулся, смутившись. – Но Баян, мне кажется, не смогла ответить ему тем же. Она не смогла оценить его чистоту, преданность. Не знаю, может быть, я ошибаюсь, не мне судить...

Ему вдруг показалось, что Сауле дрожит, и он накиннул ей на плечи пиджак.

– Я же говорил, что ты замерзнешь...

«Как сказать Абылаю?.. Как сказать?..» Сауле понимала, что дрожь, охватившая ее, не от ночной прохлады и не от этого ветерка или воздуха. Измучившаяся, растерянная, она не знала, на кого ей обижаться, кого проклинать, кому жаловаться, ибо понимала, что ни жалоба, ни проклятие не спасут ее, не погасят смертельную, невыносимую обиду. И мысли эти не оставляли ее в покое ни на минуту, ни на секунду.

«Оказывается, люди могут быть такими...» – думала она, стиснув зубы и боясь разрыдаться.

...Заскрежетали тормоза, и перед ними резко остановилась черная «Волга». Из машины медленно вышли трое мужчин. Увидев их, Сауле мгновенно всё поняла и потянула Абылая за рубашку.

– Абылай, бежим! – шепнула она. Но было поздно.

– Ну-ка, иди сюда, храбрец! – услышал Абылай грубый голос мужчины со шрамом. – Да быстро, быстро!..

– Он только в кабаке храбрый! – посмеиваясь, сказал парень в джинсах. – Ну иди сюда, не бойся, дяди не сделают тебе больно...

Абылай, растерявшийся вначале, шагнул вперед.

– Абылай! – вскрикнула Сауле.

– А ты катись отсюда! – Парень в джинсах оттолкнул ее.

– Полегче, – сказал Абылай, загородив Сауле. – Не тронь ее.

– Я сам знаю, кого мне трогать, кого нет... – Парень в джинсах дышал Абылаю в лицо, и остальные двое окружили Абылая, притиснув его к стене. Сауле удалось вырваться, она сняла туфли и с криком побежала в сторону автобусной остановки.

– Давай быстро, – сказал парень в джинсах, мельком глянув в ее сторону.

Но мужчина со шрамом не спешил. Растягивая слова, он сказал Абылаю:

– Ну, моська, что притих?.. Скажи, откуда ты такой взялся?..

И тут же наотмашь ударил его левой рукой. Абылай не знал, что он левша, но успел увернуться от удара. Тяжелый кулак прошел над его головой, коснувшись волос, и мужчина со шрамом чуть не упал, навалившись на парня, который стоял рядом. Но тут же собрался и размахнулся правой рукой, целя Абы-

лаю в челюсть. Но Абылай подался вправо, и удар кулаком пришелся прямо в стену дома, отчего мужчина, взревев от адской боли, упал и стал кататься по земле. Абылай, не теряя ни секунды, ударил парня в джинсах, и тот с коротким стоном повалился на асфальт. Краешком глаза Абылай глядел в темный угол, но ни девушки, ни аспиранта, знакомого Жаппаса, там не было. Третий из напавших на него отступал к машине, грязно и бессмысленно бранясь.

– Бей его пряжкой! – крикнул парень в джинсах, быстро вскочив на ноги. Вытащил из кармана складной нож, раскрыл его, в темноте тускло блеснуло лезвие.

Третий парень снял ремень и намотал его на руку. Абылай, рванувшись, ухитрился еще раз сбить с ног парня в джинсах и на лету подхватил выпавший из его руки нож. Но в это время удар свинцовой пряжкой пришелся ему по левому плечу. Он отпрянул, прижался к стене, сжимая в правой руке нож. Плечо пылало, левую руку было невозможно поднять. Парень в джинсах, подняв с земли кирпич, шел на него. Справа свистел ремень, слева шел «джинсовый» с кирпичом, прямо перед ним поднимался с земли мужчина со шрамом.

– Кончайте, кончайте его! – сипел он. – Не бойтесь! Кончайте! Я оплачу стоимость этого ублюдка!

Опять удар пряжкой, в этот раз по лопатке. Абылай согнулся от боли, и в тот момент, когда парень в джинсах размахнулся, чтобы ударить его кирпичом по голове, Абылай пырнул его ножом.

– А-а-а-а! – Вопль парня в джинсах смешался с воем сирены от подъехавшей милицмейской машины.

– Ни с места! Всем оставаться на своих местах! Не шевелиться! – раздалась команда лейтенанта, выпрыгнувшего из машины.

Сауле, всё еще босая, с распущенными волосами, подбежала к Абылау и обняла его.

– Абылай! Мой Абылай!

– Тише, плечо... – сказал он, морщась от боли.

Третий парень успел опоясаться ремнем. Он смеялся. В темноте блеснул его золотой зуб. И мгновенная ненависть охватила Абылая. Он подошел к нему и ударил его в скулу. Тот упал, ткнувшись носом в землю.

– Прекратить, я вам говорю! – снова крикнул лейтенант.

Парня в джинсах, схватившегося за живот, кричащего от боли, понесли на носилках в подъехавшую скорую. Туда же сел мужчина со шрамом, объяснивший, что у него сломана рука. Золотозубого посадили в милицмейскую машину с решеткой на окнах. Туда же затолкнули Абылая. Плачущая Сауле тоже села в машину.

9

Баян наскоро сварила чашку кофе и, спустя какое-то время, на цыпочках прошла в свою комнату. Взяла дорожную сумку, мельком посмотрела в зеркало.

– «Не поеду... не полечу...» – усмехнулась она, глядя на свое отражение. – Разве это в моих силах? Что-то непреодолимое тянет меня к Кайрату, хоть я не виновата, видит Бог, не виновата... Тихая, скромная женщина... Все беды на свете начинаются от таких, как я...

Неслышно притворив дверь, она вышла на улицу. Воздух чист, и небо чисто. И лучи солнца уже пробиваются сквозь кроны деревьев.

– Что, в командировку? – спросила дворничиха соседних больших домов Анна Ивановна.

– В командировку, – ответила Баян.

– Работа у вас хлопотливая, – пожалела ее дворничиха, опираясь на метлу. – Баян, а что с моим письмом в газету?..

– Начальство читает, Анна Ивановна. Я приеду, зайду к вам.

– Ладно... Счастливого тебе пути.

И дворничиха вновь завозила метлой по асфальту.

Баян села в автобус, идущий в аэропорт. Автобус был пуст, лишь старуха дремала на переднем кресле да подросток, сидевший рядом с ней, любопытствуя, глядел в окно на проносящиеся мимо улицы, дома, деревья...

...На другой день после отъезда Кайрата я снова встретила на улице того парня в летной форме, с которым познакомилась в библиотеке и который так смешно и скоропалительно сделал мне предложение. «Здравствуйте, Омар», – сказала я, и он изумленно посмотрел на меня, очевидно никак не ожидая, что я запомню его имя.

«Здравствуйте, – ответил он. – Я два дня не видел вас и очень соскучился».

И я как бы заново разглядела его. Высокий. Красивый. Веселый. «Он, наверное, никогда не сердится, – подумала я. И еще подумала: – Нет, Кайрат, я никогда больше не вернусь к тебе, не думай, что на тебе свет клином сошелся...»

«Работы было много, вот и не ходила в библиотеку», – сказала я.

«А я решил, что вы думаете...»

«О чем?» – удивилась я.

«Вы забыли, что я предложил вам выйти за меня замуж?..»

«А... Об этом...» – замешкалась я, скорее не сердцем, а умом понимая, что во мне вдруг шевельнулось какое-то ответное чувство к этому парню с открытым и ясным лицом. И снова поклялась в душе: «Я тебя забуду, Кайрат, забуду... Даже в мыслях не стану больше держать тебя...»

Если бы я знала тогда, что пока человек жив, такое не забывается, какими бы страшными клятвами он ни клялся, я бы, наверное, не была столь опрометчива.

«Об этом? Думаю, всё еще думаю». Я потеряла рукавицей раскрасневшееся лицо.

«Пока вы думали, я уже квартиру получил. Вчера ордер выдали и ключи...»

«Вот как? Поздравляю. Вы – счастливый человек...»

«Если б были счастливы все, у кого есть квартиры...» – пробормотал он.

«Но это ведь и вправду событие...»

«Конечно. Но командир отряда сказал, что, если бы у меня хоть невеста была, то получил бы двухкомнатную квартиру. А я не знал – невеста вы мне или нет, вот и лишился из-за вас двухкомнатной квартиры».

«Да, печально, что мы никак не можем выяснить наши отношения», – в тон ему ответила я.

Мы оба засмеялись, и я вновь отметила, как легко и просто мне с ним. Не то что с Кайратом, перед которым я, журналист с дипломом, опять становлюсь девчонкой-школьницей.

«Приходите ко мне на новоселье, – сказал он. – Послезавтра. В шесть часов. Пятый микрорайон, шестидесятый дом, девятнадцатая квартира, пятый этаж...»

«Спасибо, я подумаю...»

«Как много вы думаете! От этого вы, наверное, такая серьезная, да?» – чуть-чуть поддел он меня и вдруг глянул тревожно и пытливо.

Автобус застрял перед плагбаумом. Сначала прошел длинный товарняк, потом бесконечно долго ждали пассажирского поезда.

– Так мы на самолет опоздаем, – услышала Баян недовольный голос старушки.

– Не бойся, бабуля, у них всё рассчитано, – успокаивал ее подросток, по-видимому, внук.

Глядя в автобусное окно, Баян почему-то вспомнила Абылая и подумала о том, что он растёт отличным парнем. За брата она спокойна – только встрети-лась бы ему хорошая девушка. Сауле славная, но сможет ли она стать хорошей женой? Не слишком ли она избалованная?.. Такому парню нужна женщина, которая смогла бы от многого отказаться. Бабушка Макпал правильно говорила: «Мало быть просто женщиной, сумей стать помощницей, единомышленницей и другом своего мужа». «Правда, Сауле ещё молодая, с возрастом она наверняка изменится», – подумала Баян.

Вылет откладывался на полчаса. После гибели Омара Баян возненавидела самолеты и летала лишь в крайних случаях. Ей становилось худо уже от одного самолетного гула. Вот и сейчас у нее мгновенно закружилась голова, и она села в мягкое кресло, вытянула ноги, закрыла глаза...

Я стояла возле первого подъезда шестидесятого дома в пятом микрорайоне и мысленно ругала себя:

«Все-таки пришла. Зачем? Не слишком ли ты быстро согласилась?»

И тут же остановилась: «С чем? С чем согласилась? Ни с чем я не соглашалась. Просто пришла на новоселье... к товарищу...»

«К товарищу? Ты этого летчика совсем не знаешь. И знать не хочешь. Тебя к этому подъезду привела элементарная женская обида на Кайрата, и ты снова летишь на огонь, чтобы только насолить Кайрату. Ну что думает о тебе этот Омар, почему он всё время улыбается?.. Что происходит?..»

«И все-таки, конечно же, нечего мне здесь делать. Пойду-ка я домой», – окончательно решила я и в это время услышала свое имя.

«Баян! – в окошке пятого этажа показалось веселое лицо Омара. – Заходите, Баян... Хватит раздумывать...»

«Ну что ж, ты добилась своего», – сказала я сама себе, поднимаясь по лестнице.

«Неудобно отказываться от приглашения. – Это было вялое оправдание, и я тут же вновь рассердилась: – Защищай, оправдывай себя, это у тебя неплохо получается. Но только не лукавь, Баян! Лучше признайся, что тебе нравится кружить мужчинам голову...»

Омар ждал меня у раскрытой двери. Он был не в форме, как обычно, а в костюме и белой рубашке с галстуком.

«Спасибо, что пришли», – сказал он.

«С новосельем вас», – сказала я, проходя в прихожую.

«Осторожней! Не ударьтесь о мебель!» – крикнул он, и я, зайдя в комнату, рассмеялась: тут стояли раскладушка, чемодан и единственный стул.

Позже я разглядела на подоконнике кассетный магнитофон. Чемодан был застелен белой скатертью. На нем поместились две тарелки и бутылка шампанского, из чего я заключила, что ждали только меня. И это мне сильно не понравилось! «А говорил, что у него гости. Зачем он меня обманул? – подумала я. – По его виду не скажешь, что он способен на такое... ишь, тихоня!..»

Заметив перемену в моем настроении, Омар сказал смущенно:

«Извините меня. Я приглашал ребят на сегодня, но вчера, оказывается, был день моего рождения. Сам я совсем забыл об этом, но мой товарищ Арыстан прислал мне на работу поздравительную телеграмму. Я прихожу, а ребята шумят, что я день рождения зажимаю. Вот и пришлось вчера отмечать сразу оба события. Одни холостяки собрались, так что я, можно сказать, легко отделался».

И, глядя на его опечаленное чем-то лицо, я снова почувствовала себя легко и весело. «Надо же – про собственный день рождения забыть! И ведь сразу видно, что не врет. Разве такое придумаешь?»

«Вы не волнуйтесь», – сказала я.

А он, насколько я разбираюсь в людях, чувствовал себя неловко. Виноватым он себя чувствовал, вот что, и смущался, пожалуй, еще больше меня.

«Очень хорошая комната, – сказала я. – Куда можно поставить цветы?»

Он налил в стеклянную банку воды.

«Вы мне, конечно, не поверите, но я всё это уже видел во сне».

«Что “всё”?» – Я посмотрела на него с удивлением.

«То, что вы вот так придете ко мне и в руках у вас будут цветы. Когда вы зашли, я сразу подумал – а где же цветы?..»

Он открыл шампанское и сказал:

«Будем знакомы, Баян».

«Откуда вы знаете мое имя?»

«Я многое о вас знаю. Знаю, что вы закончили университет и уже полгода работаете в газете. Наш город не столь велик, так что не удивляйтесь».

«А вы давно здесь живете?»

«Полтора года. Ну, за знакомство! – Он поднял стакан и улыбнулся. – Хрустальных бокалов у меня нет, так что не обессудьте».

«За знакомство!»

«Вы не голодны? Горячее сразу подавать или после?»

«Горячее?.. Вы что, умеете готовить?»

«Я всё умею, – быстро ответил он и поправился: – Почти всё!»

И как-то странно посмотрел на меня, посмотрел так, что тон его беседы показался мне развязным, а мне никогда не нравились разбитные, верткие парни, способные, как говорится, в игольное ушко пролезть.

«Вы, наверное, летаете на Ил-62?» – наивно осведомилась я, втайне желая задеть его самолюбие.

Но он несколько не обиделся.

«Вот и ошиблись. Я – второй пилот на крошечном Ан-2. А вы, наверное, собственный корреспондент “Правды”, да?»

Стало неудобно за нелепую «подковырку», и я смущенно засмеялась. И вновь почувствовала себя свободно. Даже стало нравиться, что я все-таки решилась прийти сюда.

«Простите меня, – сказала я и похвалила его: – Здорово вы мне ответили. Вы, наверное, веселый человек...»

«А вам не нравятся веселые люди?»

«Кому же они не нравятся?»

«Мне, например. Я люблю людей уравновешенных, спокойных. Наверное, оттого, что сам другой...»

Баян пристегнула ремни и откинулась в кресле. Вышла красивая, стройная стюардесса и, улыбаясь фирменной «аэрофлотовской» улыбкой, сообщила данные о высоте полета, времени прибытия в аэропорт, температуре воздуха за бортом. Но всё это мало интересовало Баян.

«Не злись. Тебе это не нужно, так, может, другим интересно, – остановила она себя. – Лучше подумай, куда и зачем летишь! Зачем мне думать – лечу и лечу. Безо всякой мысли... Лжешь! Ты постоянно думаешь о Кайрате. Всегда! Ты не можешь не думать о нем... Нет, могу...»

Баян попросила у стюардессы стакан воды и уткнулась в первый попавшийся журнал...

«Какое, по-вашему, самое тяжкое наказание на свете?» – неожиданно спросил Омар, когда мы вышли из дому.

«Ну, наверное, смерть. Смертный приговор», – помедлив, ответила я.

«Не угадали. Самое жестокое наказание – оставить человека в одиночестве. Хуже этого ничего не придумаешь...»

«Вы – одиноки. Да?» – спросила я.

«Почему вы так решили?» – повернулся он ко мне.

«Потому что, когда вы произнесли слово “одиночество”, у вас дрогнул голос...»

Омар смущенно улыбнулся, поднял воротник моего пальто и спросил:

«Вы не замерзли?»

Я покачала головой.

«Слово?... – задумчиво сказал он. – Слово вряд ли способно передать все оттенки душевных переживаний. Тщетные звуки гортани... И разве можно выразить этими звуками радость или горе? Чувства вспыхивают и гаснут в одну секунду, как пламя, их невозможно передать словами, океан жизни никогда не исчерпается в слове. И когда говорят: вначале было Слово, то подразумевают, что в слове этом отражена лишь малая частичка окружающего мира, осколок, а не вся жизнь, ее бескрайнее пространство, ее бесконечное время. И слово “одиночество” – не исключение... Понимаете меня?»

Пожалуй, впервые за всё время нашего знакомства он говорил так долго и серьезно.

«Понимаю, – ответила я. – Иногда мне кажется, что ни литература, ни искусство не способны передать все свойства человеческой души в их цельности и единстве. Помните, еще Абай говорил: “Тений мысли, рожденный в душе, теряет свою мощь, облекаясь в слово”».

«Я не читал Абая. Но и у Тютчева есть сходная строка: “Мысль изреченная – есть ложь”», – сказал Омар.

«Как? Вы не читали Абая?» – удивилась я.

«Не судите меня строго, так получилось. Я родился и воспитывался в России, учился в русской школе, ни отца, ни матери не помню. А памятник Абаю увидел первый раз в прошлом году, когда был в Алма-Ате. У вас есть книги Абая? Дадите мне почитать?»

«У меня нет его книг, переведенных на русский».

«Дайте на казахском. Я попытаюсь прочесть в подлиннике».

«Вы же ничего не поймете, не зная языка».

«А я верю в память крови. И ваше дружеское расположение. Если мне что-то будет непонятно, я вас спрошу... Вы не откажете мне в поддержке?»

«Конечно же, не откажу...» – Я вдруг почувствовала, что во мне растет чувство жалости к этому парню, такому бойкому на вид, и мне стало казаться, что нас уже что-то связывает, хотя мы с ним только-только познакомились.

Он уговаривал меня:

«Завтра выходной, посидите еще, не уходите, провожу вас до самого дома».

«Нет, я спешу», – решительно отрезала я, и он помог мне надеть пальто. Мне стало стыдно за то, что я была так недоверчива.

«Скажите, вы выросли в детском доме?» – осторожно спросила я.

«Да, – ответил он. – Если бы кто-нибудь сказал мне сейчас, что у меня есть родители и я могу пробыть с ними только один день, а на следующее утро должен расстаться с жизнью, я бы пошел на эту жертву только ради того, чтоб узнать, какими они были, как выглядели, чем занимались мои отец и мать...»

Он замолчал. Мы стояли у ворот моего дома.

«Кажется, пришли, – прервал он молчание. – Ну, давайте прощаться...»

«Омар! – впервые за весь вечер я назвала его по имени. – Простите меня!»

«За что? – удивился он. – Мы так хорошо провели время...»

«Я знаю за что! – Я не могла больше ничего сказать. Я взяла его за руку. – Идемте!..» – почти приказала я.

«Куда?» – спросил он.

«Назад. К вам...»

«Нет... Вы устали, вам нужно отдохнуть, а возвращаться далеко, вы замерзнете, – сказал он, мягко улыбаясь. – И потом, вы можете пожалеть о своем решении, а для меня это будет непереносимо».

«Я сегодня не оставляю вас одного. Мы сейчас поймаем такси и поедем», – настаивала я.

«Нет, мне не нужна такая жертва, – теперь уже решительнее сказал он. – Идите спать. Я хочу побыть один. Вы и без того подарили мне столько радости. Спасибо вам! – Он погладил мою руку. – Прощайте, или, вернее, до свидания...»

Марии Васильевны еще не было. Я, не раздеваясь, опустилась на стул. Затем прошла в свою комнату и стала искать сигареты. На книжной полке я увидела две пачки «Казахстана», вынула сигарету, жадно затянулась и вдруг вспомнила: это – подарок, это мне привез из Алма-Аты Кайрат! Я вскочила и бросила сигареты в печку, где тлели малиновые угольки. Ярko вспыхнула целлофановая обертка... Я разделась и легла в постель, зарывшись лицом в подушку. Я вспомнила маму... Я плакала...

Меня разбудили громкие голоса мамы и бабушки.

Папа в это время был в Алма-Ате на каких-то курсах, и маму выписали из больницы в его отсутствие. Безмятежно спал маленький Абылай, а я, укрывшись с головой, затаила дыхание, жадно ловя каждое слово.

«Плевать, я всё равно умру», – сказала мама, и по ее голосу я поняла, что она опять пьяна.

Бабушка тяжело вздохнула и промолчала.

«Аллах, зачем ты уродил меня такой несчастной? – раздался рыдающий голос матери. – Что я тебе такого сделала?»

«Перестань! – сказала бабушка. – Тебе нужно лечиться как следует, и ты будешь здорова...»

«Вы все обманываете меня! Вы все врете! Вы прекрасно знаете, что я скоро умру!»

«Перестань! Хватит! – властно сказала бабушка, и мама замолчала. – Если хочешь увидеть, как радуются твои дети, прекрати пить! Брось это дурное зелье! И хватит, хватит хныкать.. Каждый второй излечивается от легочной болезни, вылечат и тебя. Помолись лучше за своего мужа. Если бы не он, не было бы у нас дома, не было бы у нас семьи... Помолись за него и помоги ему. Ведь ты – женщина, жена, хранительница очага».

Я закрыла уши ладонями и беззвучно заплакала. А губ шептали: «Папа, папа...» Я поняла, что единственная наша опора на свете – это отец. Если с ним вдруг случится несчастье, всё пойдет прахом. И мы все пропадем. Все. И бабушка, и я, и Абылай. И... мама. Мама – в первую очередь. Ах, если бы она выздоровела, не было бы семьи счастливее нашей.

...Однажды во дворе рослый соседский мальчик ударил Абылая палкой. Абылай, схватившись за голову, опустился на землю. Не выдержав, я отвесила мальчишке крепкую оплеуху, и он со слезами побежал домой. Вскоре выскочила его мать и раскричалась на весь двор: «Вот как она их воспитывает! Хулиганы! Она же пьет беспробудно!..»

Не обращая внимания на плач Абылая, я увела его на улицу. Я не хотела, чтобы он запомнил грязные слова этой женщины. Мы оказались в центральном парке, и мой братишка повеселел: он тут же присоединился к каким-то ребятам и стал с ними играть. А я сидела на скамейке и злилась – ведь эта крикливая толстуха оскорбила мать, бабушку, отца, меня, всю нашу семью, а я не знала, как ей ответить.

«Баян, купи мне мороженое», – попросил Абылай.

Я пересчитала мелочь, оставшуюся от школьного завтрака. Денег вроде хватало.

«Ты можешь сам купить?» – спросила я его.

«Нет, – заупрямился Абылай. – Я хочу, чтоб ты купила... Мне и себе...»

У нас не доставало копеек, но продавщица из киоска всё же дала нам два вафельных стаканчика и спросила:

«Как ваша мама? Выздоровела?»

«Выздоровела», – ответила я.

«А это Абылай? Ух, как он вырос! В школу ходит?»

«Перешел в третий класс...»

«Передай маме привет от меня. Жалко, скажи, что у меня времени никак не хватает ее проведать...»

Я сделала несколько шагов и оглянулась. Женщина, пригорюнившись, глядела нам вслед. Стоит мне и сейчас вспомнить ее жалостливое и вместе с тем любопытствующее лицо, как на глаза наворачиваются слёзы. Свернув за угол, я выбросила свое мороженое в урну.

«Зачем ты это сделала?» – спросил удивленный Абылай.

«Горло болит», – соврала я ему.

«Надо было мне отдать», – насупился он.

«И у тебя заболит, если съешь сразу два», – сказала я.

«Не заболит, не заболит!» – заспорил Абылай, а я, вытерев слёзы, вдруг оживилась, и мы с ним отправились домой.

...Я прислушалась. Мама молчала, а бабушка по-прежнему долго и монотонно втолковывала ей что-то. Интересно, мама лежит или сидит? Встать бы, распахнуть двери, обнять ее, такую красивую, такую несчастную, прижаться к ней! Но я боялась. И не было у меня на это никаких сил...

...Я стала быстро одеваться.

«У него нет никого, кроме меня, – вдруг поняла я. – Он одинок. А в жизни нет ничего страшнее одиночества, сказал он».

Я слышала, как возится в прихожей Мария Васильевна, возвратившаяся с работы, и, взяв с полки однотомник Абая, вышла из комнаты.

«Ты не спишь? – обрадовалась она. – Вот и хорошо, сейчас будем чай пить... Дежурство у меня было трудное, еле на ногах стою...»

Я сняла с вешалки пальто, и Мария Васильевна удивленно поглядела на меня: «Ты куда это собралась на ночь глядя?»

«Мария Васильевна, я выхожу замуж».

«Вот это да! – Она покачала головой. – Что, уже и сосватали тебя?»

«Я сама себя сосватала...»

«Ты очень грустная, Баян, – она присматривалась ко мне, – грустная...»

«Меня сегодня не ждите. А завтра я вам всё сама расскажу».

«Постой, да куда ты полетела-то? Ведь уже автобусы не ходят...»

«Я найду такси...»

Мария Васильевна снова покачала головой.

«Погоди, я провожу тебя. Заодно и номер машины запомню, а то увезут тебя куда-нибудь среди ночи...»

«Ничего со мной не случится. Всё будет хорошо», – успокаивала я ее, но она, накинув платок, вышла со мной на улицу.

...Поднявшись на пятый этаж, я остановилась, чтобы отдышаться. Прислонилась к стене. Зажмурилась. Дверь в квартиру Омара была не заперта, в щель просачивался слабый свет. Прислушавшись, уловила звуки тихой музыки. Я осторожно открыла дверь и вошла. Омар сидел на раскладушке спиной к двери и слушал музыку. Пепельница, стоявшая на полу рядом с ним, была полна окурков.

«Омар, – позвала тихо. – Омар...»

Он замер, не оборачиваясь.

«Омар!...»

Он медленно повернулся, увидел меня и бросился ко мне. Стал на колени...

Крепкие руки обнимали меня.

Я не отстранялась.

Я тоже опустила на колени, и мы долго-долго смотрели друг другу в глаза.

Он взял мою руку, поднес к губам и поцеловал пальцы.

Я вытирала слезы, катившиеся из его глаз. Но своих слёз я не замечала.

И всё играла, играла музыка...

10

Ескендир, как обычно, отправился на работу пешком. Всю ночь его мучила бессонница, к утру головная боль прошла, однако, выйдя на улицу, он вновь почувствовал себя разбитым и вымотанным.

Он слышал, как поднялась Баян, но встать и проводить ее у него не было сил. Если бы она заглянула к нему в комнату, он пожелал бы ей счастливого пути, но она, по-видимому, не захотела его будить. Кажется, дочь и сама сегодня плохо спала – всё ворочалась за стенкой... Да, после смерти бабушки Макпал совсем худо стало в доме. Посторонний глаз не замечает этих перемен, но сами-то они чувствуют, как всё изменилось. Ну, может быть, и не всё, но многое, многое...

«Странно, что я не слышал, как возвратился Абылай, – мельком подумал Ескендир. – Могли бы вместе позавтракать, да жалко парня рано поднимать. В стройотряде вставал ни свет ни заря, пусть хоть дома отоспится».

Чего только не пришлось вынести Ескендиру! Сколько натерпелся он от Айши... Ескендир сознавал, что сына он любит больше, чем дочку, – мужчина все-таки, наследник рода, так сказать... Он мечтал, что сын тоже поступит на юридический факультет, но Абылай неожиданно заупрямился и захотел стать инженером-механиком, успешно сдав экзамены в местный технологический институт. А ведь когда был маленьким, любил повторять: «Вот вырасту, буду судьей, как папа», и Ескендир гордился тем, что сын с детства определил свой жизненный путь, что в семье растет человек, который продолжит его дело, друг, у которого можно спросить совета в трудную минуту. Эти мечты и надежды рухнули, когда Абылай наотрез отказался от университета, но Ескендир лишь недавно понял истинную причину его решения. Видимо, это было связано с неожиданной смертью бабушки – сын не захотел оставить его в одиночестве, догадался он, одновременно с досадой испытывая чувство благодарности к Абылаю.

И Айша до последней минуты говорила только о детях... И если бы не дети, вряд ли она продержалась бы так долго. Кто знает? Кто может знать это?... Он вспомнил, как почернело за последние годы ее лицо, вспомнил ранние ее морщинки, пожелтевшие белки глаз. Он вспомнил месяц, который они провели в Крыму на берегу моря. Куда ушли те дни, когда глаза ее полыхали огнем, а лицо сияло улыбкой?

Месяц, который они провели в Крыму, на берегу моря...

Круглое белое лицо, бездонные глаза, стройное тело, прямые полные ноги... Айша, взяв Абылая за руку, спускается по крутой лестнице на пляж, и эта картина, навсегда оставшаяся в памяти Ескендира, иногда казалась ему живой, движущейся, многомерной. Айша постоянно снилась ему, иногда он даже как бы видел ее наяву – в лесу, на работе, на улице... И вот – Айша ведет за руку Абылая...

...Абылай, держась за руку матери, прыгает по ступенькам и, завидев на берегу Ескендира, что-то толкует матери, показывает рукой в сторону отца. Мать и сын смеются, машут, бегут к отцу.

Раннее утро. Народу на пляже немного. Они ложатся на одеяло, расстеленное Ескендиром. Горячий крымский воздух и ослепительное солнце лелеют их, от прохладной соленой воды захватывает дух. Ескендир уплывает далеко в море и машет рукой оставшимся на берегу жене и сыну.

«Айша!» – зовет он.

Она бросается в воду и плывет к нему. Ескендир с любовью смотрит на ее прекрасное лицо, и ком в горле застревает у него от нежности. Не выдержав, он обнимает жену.

«Мама! Папа!» – кричит Абылай, испугавшийся, что они так далеко уплыли.

Ескендир смеется.

«Смотри, как волнуется наш трусишка!»

«Поплыли обратно...»

Ескендир, посадив сына на плечи, плещется в воде.

«Хватит, Ескендир, Абылай продрог», – говорит Айша.

«Я не замерз. Мама, я совсем не замерз!» – возбужденно кричит Абылай.

«Давай выходить, сынок, мама права», – говорит Ескендир.

«Боже мой, холодный, как ледышка!» – Айша, растерев сына полотенцем, укладывает его на одеяло.

«Я не замерз. Я не замерз», – упрямо твердит Абылай.

«Не замерз, а дрожишь», – смеется Айша, поворачиваясь к мужу: – Пожалуй-ста, возьми полотенце...»

Лучистые улыбающиеся глаза обращены к нему, и он понимает, что в эту минуту он самый счастливый человек здесь. А может, и на всей земле... Разве такое невозможно? Возможно... Он читает это в добрых глазах жены...

Именно в те счастливые дни Ескендир поклялся себе, что никогда и ничем не огорчит Айшу, никогда не оставит ее, что бы в жизни ни случилось. С тех пор столько раз воспламенялось и гасло его счастье. И надежды рушились, но он ни разу не изменил своей клятве. Счастье... Его мгновения коротки, как всполохи...

...Абылай строит замки из песка.

«Как думаешь, кем он будет, когда вырастет?» – спрашивает Айша.

«Он говорит, что будет судьей. Это его решение», – улыбается Ескендир.

«А я бы хотела, чтоб он стал человеком искусства», – вздыхает Айша.

«Это в тебе заговорил литератор, филолог...»

«Да, правильно... – кивает Айша и, положив голову на плечо мужу, мягкой ладонью гладит его руку. – Если Абылай вырастет настоящим джигитом, кем бы он ни был, мы не зря проживем свою жизнь. Ведь так?»

«Так. – Ескендир, улыбаясь, проводит рукой по ее длинным волосам. – Не скрою, я и сам хочу, чтоб он стал юристом».

«Хорошо, когда сын идет по стопам отца. И не столь важно, какую профессию он выберет, лишь бы был человеком достойным...»

«Совершенно согласен с тобой...»

«Правда?» – Айша засмеялась, сверкнув белыми зубами.

«Правда. Ты такая красивая», – не удержавшись, добавил он.

«И это правда?»

«И это. Ты такая красивая, а я так счастлив, что иногда мне даже страшно становится...»

«Почему? – Айша обняла мужа и зашептала ему на ухо, отдельно произнося слова: – Ни-ког-да и ни-че-го не бойся, потому что я с тобой. Я с тобой, запомни это!..»

О месяц этот летний в Крыму на берегу моря, который прошел как сон!..

Это была их первая дальняя поездка, и потом они любили со смехом вспоминать, как долго копили деньги, чтобы съездить на юг. Уже в Крыму Абылай признался, что в ночь перед отъездом не сомкнул глаз.

«Почему же ты не спал?»

«Я боялся, что вы забудете меня».

Ескендир и Айша смеялись, поддразнивая его:

«Ты так и лежал с открытыми глазами?»

«Нет, я вышел на балкон, – отвечал Абылай, радуясь вместе с ними. – Там столько звезд...»

«Где?»

«На небе. Я досчитал до тысячи и сбился. А потом снова считал...»

«Всю ночь сидел на балконе и считал звезды?» – Ескендир обнял сына и притянул его к себе.

«Да, а когда рассвело, стал считать машины, которые моют улицы, а потом...»

«А потом уснул, да?» – перебила его Айша.

«Откуда вы знаете?» – удивился мальш.

«Глаза твои говорят», – смеялась Айша.

«А кто же тебя все-таки разбудил?» – спросил Ескендир.

«Меня?»

«Да, тебя».

«Этого нельзя говорить. Не скажу...» – Абылай, сообразив, что он слишком далеко ушел в своих фантазиях, рассердился на себя и нахмурился.

Ескендир и Айша переглянулись.

«Бабушка? Я угадала?»

«А может, Баян?»

«Нет, вы не знаете кто. А я знаю. Меня солнце разбудило!» – весело заговорил Абылай.

«Неужели?» – не поверил Ескендир.

«Оллахи-биллахи, – поклялся Абылай и сказал уверенно: – Солнце было такое горячее, что у меня чуть лицо не загорелось...»

Ескендир и Айша засмеялись, услышав его очередную выдумку. Сидевшие в большой столовой отдыхающие с интересом смотрели на их дружную семью.

Месяц летний, прошедший, как сон. Где ты?..

Прощаясь с Крымом, они бросали в море монеты. Абылай, по колено стоя в воде, изо всех сил швырнул свою монетку как можно дальше.

«Зачем ты так сильно размахнулся?» – спросил его Ескендир.

«Я и за Баян кинул. В следующий раз пусть и она поедет с нами. Ладно?»

«Конечно, – поддержал его Ескендир. – Мы обязательно вернемся сюда все вместе».

«Даже бабушку с собой возьмем». – Айша подмигнула мужу.

«Вот здорово!» – радовался Абылай.

«А ты знаешь, сколько нам денег тогда понадобилось бы?» – вдруг, чуть рассердившись, сказала мама.

«А сколько?» – серьезно спросил Абылай.

«Очень много. Года три нам придется копить...»

«И все-таки это действительно было бы прекрасно, если бы мы приехали сюда все вместе», – как-то не очень уверенно сказал Ескендир.

«Ну, а пока мы будем отдыхать у нас на Иртыше. На Иртыше тоже хорошо, правда, мама?» – подумав, решил мальчик.

«Правда. Ты у меня умный, как папа», – облегченно засмеялась Айша и хлопала сына по спине.

«Как бабушка», – поправил ее Ескендир. Знал ли он, прощаясь с морем, что эти дни, проведенные в Крыму, станут самыми светлыми днями его бесконечно трудной жизни...

В приемной его встретила взволнованная секретарша.

– Ескендир Калиевич, вам несколько раз звонил начальник городского отделения милиции, – сказала она.

Ескендир рассеянно посмотрел на нее. Его головная боль прошла окончательно. Казалось, что воспоминания о счастливом прошлом влили в него какие-то новые силы.

– Сначала давай поздороваемся, Алия, – сказал он. Молоденькая девушка опешила.

– Простите, забыла, Ескендир Калиевич. Он сказал, что сейчас приедет...

– Кто «он»?

– Начальник милиции...

Ескендир неопределенно кивнул головой и прошел в кабинет. Он подумал, что ранний звонок Егорова и его настойчивость связаны с тем делом, вмешаться в которое просил накануне Колхозжан. «Всех на ноги поднял...» – неприязненно подумал он и набрал номер судьи Жуманова, чтобы узнать подробности.

Он долго слушал торопливый рассказ судьи и думал о том, что в жизни не встречал такого шустрого и словоохотливого молодого человека. Несмотря на свой возраст, Насыр Жуманов, улыбчивый, обходительный, всегда имеющий в запасе смешную историю и свежий анекдот, быстро продвигался по служебной лестнице. Ескендир вдруг вспомнил, что об этом запутанном деле ему рассказывал месяц назад Егоров. В преступлениях были замешаны сдатчики, приемщики, заведующие, директора предприятий не только в Казахстане, но и за пределами республики. Большой круг «деловых» людей сбывал не по назначению крупные партии шерсти, и размах этих операций исчисляется миллионами рублей.

– Жан Султанович давно интересовался этим, – сказал Жуманов.

– Как так? – удивился Ескендир. – Мне он только вчера позвонил.

Жуманов рассмеялся.

– Так он же знает вас...

– Не понял... – насторожился Ескендир.

– Я хочу сказать, что ваша принципиальность всем известна...

«Льстец, – подумал Ескендир. – Далеко пойдет... И не остановится, пока не добьется своего...»

Закрыв глаза, он как бы наяву увидел Насыра – аккуратного, подтянутого, быстрого, сообразительного, с лицом, обладающим почти женской привлекательностью.

– Вот. Вкратце всё, – сказал Жуманов. Воцарилось молчание. Он, по-видимому, ждал теперь реакции Ескендира, но тот не отзывался.

– Так каково ваше мнение, Ескендир Калиевич? – не выдержал Жуманов. – Что мне передать Жану Султановичу?..

– Ничего. Перед законом мы все едины. Спасибо за информацию. Я сам с ним поговорю...

Ескендир положил трубку.

«Дело нелегкое, – подумал он. – Жан должен это понять, потому что брат явно ввел его в заблуждение, многое, по-видимому, обрисовав совершенно не так, как было в действительности. Нужно объяснить Жану, насколько всё серьезно и сложно...»

Мысли его перебил вошедший в кабинет начальник милиции. С Егоровым Ескендир был знаком давно, много лет они работали в одном городе и стали хорошими друзьями. Пока была здорова Айша, частенько встречались семьями. Прежней близости между ними теперь уже не было, но осталось крепкое взаимное уважение. Ескендиру нравилось, что Егоров, деликатный и даже робкий в домашней обстановке, на работе был чрезвычайно строг и требовал от всех, а от себя в первую очередь, неукоснительного порядка и дисциплины.

– Здравствуй, Николай Михайлович... – Ескендир поднялся из-за стола и пошел навстречу Егорову. – Как дома? Выговор от своей Надежды Ивановны не получаешь?

Обычно на шутку или острое словцо Егоров реагировал громким смехом, но в этот раз был серьезен, хотя и ответил с еле заметной улыбкой:

– Что это за мужчина, если от жены выговоров не получает? Нет таких мужчин...

Он присел к столу и достал из кармана пачку сигарет.

– Ескендир Калиевич, разрешишь закурить? – спросил он.

– Дай мне тоже. Всю ночь дымил, не мог заснуть...

– У меня у самого такое бывает. Возраст...

«Обычно он сразу излагает суть, а сегодня что-то всё ходит вокруг да около. Стесняется, что ли?» – подумал Ескендир и первым начал разговор:

– Ну что, Жан и до тебя добрался?..

Егоров махнул рукой.

– Целый месяц от него покоя нет. Сегодня опять звонил...

– А ты что?

– А я ответил, что наше дело задержать преступника, а прав он или виноват, решает суд... – Егоров встал и начал ходить по кабинету.

Ескендир зорко следил за каждым его движением. «Крепкий ты мужик, – подумал Егоров, – но хватит ли тебя, чтоб перенести еще и это?»

Он вспомнил, что Надя, жена, говорила ему о том, что Ескендир последнее время как-то сдал, подавленный семейными несчастьями, и сказать ему о случившемся нужно деликатно и мягко. Егоров хотел позвонить Ескендиру ночью, но Надя упросила его отложить разговор до утра.

– Ескендир Калиевич, я пришел сообщить тебе, что вчера вечером Абылай был задержан милицией. Прокурор дал санкцию на арест: твой сын ранил человека. Ножом...

Егоров хотел произнести это как можно спокойнее, но сказал, и будто бомба разорвалась в просторном кабинете Ескендира.

– Как задержан? Разве Абылай не ночевал дома? – Он вскочил и тут же бессильно рухнул в кресло.

– Ну уж тебе лучше знать! – невольно вырвалось у Егорова, и он тут же пожалел о своей резкости. – Потерпевший в тяжелом состоянии, – добавил он. – Хулиганство с применением холодного оружия.

После в больнице Ескендир смог вспомнить лишь этот ясный, спокойный голос Егорова. Полковник рассказывал ему о случившемся так, будто уже читал приговор.

– Спасибо, что ничего от меня не утаил, – тяжело дыша, засовывая под язык таблетку валидола, выдавил из себя Ескендир.

– Извини, но ты должен был это узнать. И должен был узнать от меня, – твердо сказал Егоров.

После его ухода Ескендир потянулся к телефону, чтобы позвонить в прокуратуру, но тут же отдернул руку от аппарата и вызвал секретаршу.

– Скажите, чтоб подавали машину, – велел он девушке, которая с тревогой глядела на него.

– Вася, домой, – приказал он шоферу слабым голосом, сев на заднее сиденье.

Машина тронулась. Ескендир бессмысленно глядел в окно. Вдруг голова его свесилась, он покачнулся и медленно повалился набок. Шофер обнаружил это лишь у первого светофора.

– Ескендир Калиевич, что с вами?!

– В больницу... – еле слышно прошептал Ескендир.

Нетерпеливые водители что-то кричали, сигналили, но Вася, не обращая внимания ни на летящие вслед окрики, ни на свистки постового, круто развернулся и до упора выжал педаль газа.

11

Прислонившись к забору, Кайрат наблюдал за взлетающими и идущими на посадку самолетами. Когда дежурная вошла к нему в номер с телеграммой, он поспешно вырвал бланк из ее рук, забыв даже поблагодарить. «Еду, – повторял он вслух. – Еду. Жди. Баян». Он быстро оделся и спустился вниз. Давно он не чувствовал себя так легко и свободно. Еще час назад, уткнувшись в подушку, он изнемогал от тоски и желания увидеть Баян – можно ли было тогда представить, что пройдет такой короткий отрезок времени, и он снова станет веселым, счастливым и беспечным. Да еще он на сей раз при деньгах, а это с ним не всегда бывает! Хотя при чем тут деньги? Главное, что она едет! Все-таки едет! Милая, нежная Баян. Как он был влюблен в нее тогда, в тот год! Был влюблен так, что забыл обо всем на свете...

Женившись на Катире, Кайрат вернулся в Алма-Ату, а ей предстоял еще целый год учебы в Москве. Теперь, после стольких лет, он и сам не мог понять, как так получилось, что столь недолговечной оказалась его первая любовь. Он не отвечал на письма молодой жены, ему не хотелось звонить ей по междугородному телефону, он вообще не давал ей знать о себе. «Может, я ее никогда и не любил, – думал он потом. – Тогда как же так получилось, что мы поженились? Зачем я виделся с нею, приглашал в кино, театры, кафе?» Он думал о том, что, встречаясь с ней, а затем и оставаясь на ночь в ее комнате, он, по сути дела, был равнодушен. По крайней мере, он никогда так не волновался, как при первой встрече с Баян. Никогда не охватывал его такой жар. Он думал, он помнил о Катире, но она ни разу не снилась ему, и теперь он и сам не мог понять – любовь это была или просто... так...

А может, он не прав? Может, и было у них что, и не встретить он Баян, они и до сих пор жили бы вместе? Катира наверняка прощала бы ему все его мелкие слабости и мирилась с его тяжелым, неуживчивым характером. Ведь она-то любила. А может, нет? Или да? Кто ответит? Любила ли она его? Несколько лет они мучились друг с другом, но когда зашла речь о разводе, Катира быстро и сухо сказала, что согласна. Однако кто знает, что испытала она при этом? Ведь когда-то была она смелой, гордой девушкой. Веселой и раскованной. И конечно же, не ее вина, что всё в их жизни случилось именно так. Они познакомились в Москве, в общежитии университета, где училась знакомая Даулета, которая и пригласила их в гости. В Москве цвела сирень, летом ребятам предстояло защищать дипломные работы, и настроение у них было отличное. Имени той девушки, землячки Даулета, Кайрат так и не запомнил. «Я сейчас позову свою подружку, а вы немного поскучайте одни», – сказала она и вышла. Даулет поставил пластинку. Странно, но вот название одной из мелодий уцелело в памяти Кайрата. Это была «Голубая луна» в исполнении Эллы Фицджералд. Вошли девушки, все сразу о чем-то заговорили, заспорили, и Катира понравилась Кайрату, что называется, с первого взгляда. Умная, независимая в суждениях, тоненькая, с черной челкой, она вела себя в компании легко и свободно. «Нельзя сказать, что она такая уж красавица, но и дурнушкой ее тоже не назовешь», – шепнул Кайрат Даулету, когда девушки вышли на кухню, чтобы приготовить нехитрую закуску для их скромной студенческой пирушки. «По-моему, хорошая девушка, – отозвался Даулет. – Остроумная, понимающая. Толковая, одним словом».

«Может, мне жениться на ней?» – вдруг выпалил Кайрат, и было непонятно, всерьез он говорит или так, от нечего делать.

«Женись, если она тебе нравится», – легкомысленно согласился Даулет, который и не подозревал всех дальнейших последствий своей фразы.

«Ты так считаешь? Что ж, ты прав, я женюсь. Она мне нравится, да и рубашки надоело самому стирать», – посмеиваясь, сказал Кайрат.

«Это еще вопрос, будет ли она стирать твои рубашки», – поддел его Даулет.
«Будет, будет, не волнуйся», – успокоил его Кайрат.

Девушки вернулись в комнату, и друзья прекратили свой шуточный диалог. Даулет улыбался, глаза его хитро блестели, а Кайрат был задумчив, чуть ли не мрачен, и всем стоило немалых трудов развеселить его.

И той же ночью... Нет, утром... Кайрат хмурился во сне, смежив веки; он силится проснуться, но очнулся, лишь почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд. Он лежал один на узкой деревянной кровати в комнате Катире. Самой ее рядом не было.

Приподнявшись, он увидел, что девушка, робко улыбаясь, глядит на него. Кайрат протянул к ней руки, но Катира качнула головой и не сдвинулась с места.

Они как бы увиделись впервые и заново разглядывали друг друга. Долго. В упор.

Вдруг Катира отвернулась к окну. Хмурое московское утро. Туман. Зябко. Катира потянулась и закрыла форточку.

«Катира», – тихонько позвал Кайрат.

Девушка, мягко ступая, подошла к нему и присела на край кровати. Улыбка ее погасла, она спокойно, пристально смотрела ему в глаза.

Кайрат сильно сжал ей руку.

«Выходи за меня замуж, Катира...»

Катира, откинув голову, звонко рассмеялась.

«Какой вы смешной, Кайрат!..»

Самолет подрулил к зданию аэропорта. Кайрат бросил сигарету и стал разглядывать спускающихся по трапу пассажиров. Баян вышла последней. Она перекинула через плечо небольшую дорожную сумку, надела темные очки и слилась с толпой, идущей через летное поле.

«Такая же красивая, как и раньше, – подумал он. – Выбежать на поле? Обнять? Прижать к себе?» Но у него не хватило смелости, и он остался ждать у павильона с надписью «Прибытие».

Баян подошла к нему, остановилась, сняла очки. Кайрат молча глядел на нее. «...Когда-то густые волосы его поредели. Бледный, по-прежнему мало бывает на воздухе, не выходит из мастерской. Плечи поникли, лицо одутловатое... чужое... Наверное, пил беспробудно несколько дней подряд, по этой части он мастак... Но одет по-прежнему броско, модно... Всегда был щеголем. В чем, в чем, а в отсутствии вкуса его нельзя упрекнуть...»

«Красивая... Красивая... Однако и на твоём безупречном лице появились морщинки... Тонкая сеточка морщинок под глазами. Не старей, любимая, не старей! Тот, кто любит тебя, должен умереть, так и не увидев морщин на твоём лице. Но упрямая судьба разве считается с желанием человека?... Она поступит так, как ей будет угодно, и ни за что не позволит остановить течение времени. И всё же – не старей, не старей, любимая...»

– Ну, привет, – Баян наконец-то нарушила затянувшееся молчание. – Поедем?

– Да, – засуетился Кайрат. – Я сейчас.

Он остановил такси и велел шоферу ехать в гостиницу.

– Закуришь? – Он протянул сигареты, но Баян отрицательно покачала головой.

– Давно я здесь не была, – сказала она. – Я привозила сюда нашу бабушку, когда умер ее единственный брат. Я тогда еще в школе училась...

– Город с тех пор так сильно вырос. Ты его теперь и не узнаешь...

– Конечно... – Баян повернулась к нему и погладила руку.

Кайрат обнял ее за плечи и шепнул:

– Я снял номер люкс.

– Я буду жить отдельно, – таким же шепотом ответила Баян.

После обмена репликами они почему-то почувствовали себя гораздо свободнее и даже принялись подшучивать друг над другом.

– Но я надеюсь, ты не откажешься когда-нибудь зайти ко мне в гости, – церемонно сказал Кайрат.

– Можно пренебречь художником, но не побывать в люксе – выше моих сил...

– Боже мой, ты всё такая же умная! – удивился Кайрат, открывая дверь гостиницы.

– А ты всё так же глуп!

– Один – ноль в твою пользу...

– Нет, два – ноль. Баскетбольный счет! – ответила Баян.

– Спортивная девушка! – засмеялся Кайрат. Взяв ключи у дежурной и войдя в номер, Баян еще раз внимательно оглядела своего спутника. Кайрат хотел обнять ее, но она мягко отстранила его.

– Иди пока к себе. Мне нужно чуть-чуть отдохнуть, – сказала она.

– Спускайся через полчаса ко мне. Я закажу в номер что-нибудь поесть.

– Через час мы встретимся в вестибюле. Я хочу посмотреть город.

– Нечего тут смотреть. Это тебе не Венеция, – чуть грубовато сказал Кайрат.

– То, что ты не сможешь пригласить меня в Венецию, я и сама знаю...

– Четыре – ноль, – хмыкнул Кайрат и закрыл за собой дверь.

У себя в номере он сел в кресло, вытянул ноги и закурил, молча глядя в окошко.

До самого вечера бродили они по городу и, вдоволь нагулявшись, сели передохнуть на скамейку в центральном парке.

– Хочешь мороженого? – спросил Кайрат.

– Хочу, – сказала Баян.

Это были, пожалуй, первые их слова за всё время прогулки, ибо серьезный разговор у них никак не клеился. Так что когда Кайрат спросил о мороженом, Баян в первую секунду показалось, что это не он, а кто-то посторонний заговорил с ней.

Он встал в очередь, она осталась сидеть на скамейке.

«Зачем я настаивал на этой встрече?» – подумал Кайрат.

«Зачем я прилетела сюда?» – подумала Баян.

«Я соскучился по тебе, Баян».

«И я... И я соскучилась без тебя...»

«Значит, ты не забыла меня?»

«Если забыла, разве приехала бы?»

«Я люблю тебя...»

«И я, Кайрат... И я...»

«Тогда почему ты молчишь весь день? Говори, скажи хоть что-нибудь. В таких случаях женщина должна брать власть в свои руки...»

«В каких таких случаях? Какая власть? Над кем?»

«Надо мной...»

«Над тобой? Нет... Мне не нужна власть над тобой... А говорить? О чем нам говорить, Кайрат? Все слова лживы, я убедилась в этом. Когда-то ты был красноречив, и как я тогда верила тебе! Для меня никого на свете не было красивее, добрее, талантливее тебя! Ты сам знаешь, что убил мою веру... Слова лживы... Я знаю, и не надо ничего говорить. Не надо. Не говори, не говори ничего... Молчи, Кайрат! Я счастлива только тогда, когда мы с тобой молчим...»

– Говорите, какое вам, – сказала лоточница, торговавшая мороженым.

– А? – растерялся и покраснел Кайрат.

– Я вас спрашиваю. Вы что, спите? – засмеялась продавщица.

– Два пломбира, – сказал Кайрат.

– Быстрее кушайте мороженое, может быть, тогда проснетесь. Вы, наверное, на солнце перегрелись, – пошутила девушка.

– Спасибо, – пробормотал Кайрат.

Когда он вернулся, Баян разговаривала с мальчиком лет трех-четырех, который присел с ней рядом.

– Познакомься, – Баян погладила мальчика по голове, – этого джигита зовут Ноян.

– Будем знакомы. Кайрат. – Он протянул малышу руку.

– Ноян ждет мороженое. А его сестра Нагима стоит в очереди, – сказала Баян и мгновенно вспомнила: много лет назад, парк, Абылай, она сама...

– Тогда мы сейчас угостим Нояна. Держи! – Кайрат протянул мальчику мороженое.

– Спасибо, Кайрат-ага.

– На здоровье. Ешь, батыр.

– Нагима принесет, я вам отдам, – пообещал Ноян, разворачивая обертку.

– Смотри, какой самостоятельный, – засмеялся Кайрат, повернувшись к Баян.

Баян глядела на мальчика. Глядела радостно, почти что с завистью. Но вдруг на ее лицо легла какая-то тень, и Кайрат понял – что-то мучает ее.

– Кайрат – это красивое имя, и Баян тоже, – сказал мальчик, облизывая мороженое. – А меня мальчики дразнят Ноян-Коян. Я стыжусь своего имени, – печально добавил он.

Кайрат громко рассмеялся. Баян нахмурилась и осуждающе посмотрела на него. Мальчик тоже удивленно глядел на Кайрата.

– Разве можно стыдиться своего имени? – укорил Кайрат мальчика. – Разве имя что-нибудь говорит о человеке? Вот меня зовут Кайрат, а я уже старенький. А тетя Баян – видишь какая сердитая. Она часто ругается...

– Вы не старенький, а если тетя иногда ругается, так мамы все такие, – спокойно возразил мальчик.

– Нет, этот парень мне нравится. Он за словом в карман не лезет. – Кайрат потрепал мальчика по спине и притянул к себе...

– Ноян, Ноян! – послышался голос его сестры.

Ноян вынырнул из-под руки Кайрата, посмотрел в ее сторону и деловито сказал:

– Ну, мне пора. До свидания.

– До свидания, Ноян. Скорее вырастай большим, – ласково сказал Кайрат, а Баян еще раз погладила малыша по голове.

– Куда там! – вздохнул Ноян. – Папа говорит, что я уродился весь в маму и ростом буду маленький...

– Рост ничего не значит. Главное, чтоб человек человеком был. Ну, ступай, тебя сестренка ждет.

Мальчик убежал, и они долго смотрели ему вслед.

– Оказывается, ты любишь детей? – сказал Кайрат, взяв Баян под руку.

Баян промолчала и только отвела от него глаза.

Он понял, что, сказав это, допустил бестактность, обнял Баян и уже хотел попросить у нее прощения, как перед ними вновь появился запыхавшийся Ноян.

– Кайрат-ага, возьмите, пожалуйста.

– Что это?

– Мороженое. Я съел ваше мороженое и теперь возвращаю долг.

– Мне нельзя есть мороженое. У меня горло болит, – соврал Кайрат.

– Ноян, отдай мороженое тете, – приказала брату Нагима, стоящая за мальчиком.

И Баян снова поразилась совпадению: второе мороженое, она тогда бросила его в урну.

– Всегда он что-нибудь натворит, этот Ноян, – разворчалась девочка. – Сколько раз тебе говорить, чтоб ты не брал чужое? – накинулась она на брата.

– Ноян ничего не натворил, мы сами угостили его, – сказала Баян. – Ноян – хороший. Не брани его, сестренка. Ладно?

– Видишь! – Ноян торжествующе повернулся к сестре.

Нагима смущенно кивнула и сказала:

– Спасибо. До свидания.

– До свидания, – повторил Ноян.

Сестра взяла его за руку, и они пошли к выходу.

– Если бы у меня был от Омара ребенок, наверное, вся моя жизнь сложилась бы по-иному, – вдруг сказала Баян. – Женщина обязательно должна рожать. И нет для нее ничего счастливее материнства. Вы, мужчины, этого не понимаете...

Кайрат молчал.

Они возвратились в гостиницу. Баян ушла к себе, и Кайрат опять остался один в своем огромном люксе. Приняв душ, сменив сорочку, он стал ждать звонка Баян – так они условились. Но она неожиданно пришла сама.

– Роскошные апартаменты, – сказала она, озираясь.

– Давай закажем ужин в номер, – предложил Кайрат.

– Нет, пошли в ресторан.

– Когда же мы останемся наедине? – не выдержал Кайрат.

– Пошли, пошли. – Баян приоткрыла дверь.

Они заняли свободный столик.

Как ни странно, но на лице Баян не было следов усталости. Она с любопытством смотрела по сторонам, затем обратилась к Кайрату:

– Тебе надо чаще бывать на свежем воздухе...

– Времени нет...

– ...и поменьше торчать в ресторанах и кафе.

– С чего ты это взяла?

– Твое лицо тебя выдает...

Кайрат усмехнулся.

– У настоящего художника котелок варит, даже когда этот маэстро пьян в лоскуты, – сказал он. И вдруг добавил, напрягшись: – Послушай, мы сегодня будем говорить по-человечески или нет?

Баян, скользнув взглядом по его лицу, смолчала.

Кайрат сделал заказ и закурил.

– Как дела у Даулета? – спросила Баян.

– Неплохо. У него в Москве недавно была выставка.

– А когда будет твоя выставка?

– Поживем – увидим. Я никуда не спешу. Не спеша можно и зайца на арбе догнать. Помнишь пословицу?

– Помню. А почему же тогда спешит Даулет?

– Почему? – Кайрат задумался. – Да потому, что, согласно его давним прогнозам, он должен на следующий год умереть. Помнишь тот день, когда он заявил, что ему нужно десять лет, чтобы стать настоящим художником, после чего он согласен покинуть этот мир?

Баян засмеялась:

– Я-то помню. Я всё помню. Но помнит ли об этом Даулет?

– Не знаю, – засмеялся в ответ Кайрат.

Свадьба Даулета и Даны проходила в ресторане на Медео. Рядом с новобрачными сидели Кайрат и Баян. Баян казалось, что и Даулет, и Дана сегодня

необыкновенно красивы. Лицо Даны выражало смущение, как это подобает невесте, и молчаливый восторг. Даулет внешне казался спокойным, но и его глаза горели радостью, нетерпеливым желанием. Подали автобусы, и гости, выйдя из ресторана, стали возвращаться в город. Даулет не отпустил Кайрата и Баян. «Куда вы? – обиделся он. – Сейчас поедем к нам и будем гулять до утра». Дана взяла Баян под руку, и они направились к машине Даулета. Их догнал скульптор Султан. «Придется вам прихватить меня с собой. Без меня у вас никакого веселья не получится», – хмыкнул он. Баян заметила Майру и Оскена, в нерешительности стоящих среди других гостей.

«Давайте и Майру с Оскеном пригласим, а то они стесняются, – сказала Баян. – И мне перед Майрой неудобно...»

«Конечно же», – сказала Дана.

«А мы поместимся все?» – засомневался Султан.

«Новобрачная сядет впереди, дам вы возьмете на колени», – велел Даулет.

Приехав, они расположились в комнате Даулета, а его родители, родители Даны, многочисленные родственники устроились в гостиной. Время от времени оттуда доносились приветственные возгласы, и тогда молодые выходили, чтобы показаться гостям.

«Кто не устал, тот будет делать то же, что и мы», – сказал Даулет и пригласил Дану танцевать.

А подвыпивший Оскен вдруг решил поговорить об искусстве.

«Что мне нравится в комнате Даулета, так это то, что у него на стене запросто можно увидеть голую женщину», – тихонько сказал он.

«Ты лучше на меня смотри», – урезонила его Майра.

«Но ведь это ж картины, искусство, одним словом...» – оправдывался Оскен.

«Это Модильяни. “Обнаженная”», – шепотом подсказала Оскену Баян.

«Да что ты ему об этом толкуешь, ведь он думает, что Модильяни – имя этой красотки», – расхохоталась Майра, и Оскен сердито насушился.

Кайрат подмигнул ему: «Смеются над тобой?»

«Смеются», – сокрушенно признался Оскен.

Кайрат вместе со стулом пододвинулся к нему и сказал, указав на картины: «А ты не тушуйся. Не стесняйся спрашивать и постарайся понять, что руководило художником, когда он взялся за работу».

«Кому не хочется посмотреть на красавицу?» – покраснел Оскен.

«Скажи, на голую красавицу», – опять поддела его Майра.

«Намалюй голую женщину, вынеси на рынок – любой купит!» – вдруг брякнул Оскен, осмелев.

«Нет, – сказал Кайрат. – Можно любоваться телом женщины, можно преклоняться перед ним. А можно, не тратя красок, холста, взять фотоаппарат и щелкнуть, как говорят на жаргоне, порнуху. Прелесть Модильяни в том, что его женщины не просто телесны. Каждая из них – это характер, личность, поэтический образ. Одна – дарит нам свое цветение, другая – говорит всему свету о зрелой женственности, третья – о молодости, ее силе и хрупкости. Хотя, конечно, по репродукциям трудно судить о всем богатстве красок, для этого нужно видеть подлинники или хорошо знать изобразительное искусство...»

«Ты что, лекцию читаешь? – спросил Даулет, вернувшийся из гостиной. – Славно вы время проводите...»

Следом за ним, ведя под руку Дану, явился Султан.

«Невеста танцует прекрасно. Спасибо... – Он поцеловал Дану руку и подвел ее к Даулету. – Ступайте к гостям, а я выпью за ваше здоровье...»